

Ирина
Воробей

АДЬОС, МЭР!
(Не)удобная жена

18+

Ирина Воробей

Адъос, мэр! (Не)удобная жена

«Автор»

2026

Воробей И.

Адъос, мэр! (Не)удобная жена / И. Воробей — «Автор», 2026

Неужели опять обман? Вся наша любовь, свадьба, ребенок Это фикция?
Ради власти? Что если, ему жена была нужна только на публику? Что если,
он и в мэры баллотируется не из-за меня, а потому что сам жаждет власти?
А у меня ребенок под сердцем. Наш малыш ка. Как раз хотела Эрику о ней
сообщить. Нужен ли ему ребенок по-настоящему, не показухи ради? Он ведь
всегда был убежденным холостякомВздрагиваю от этой мысли. И разлом во
мне расширяется. Все полости заливают обидой, мерзкой такой, кислотной.
Пока ничего не укладывается в голове, но душа уже отравлена.Муж. Мне.
Изменил.# публичная измена # типа фиктивные отношения после измены #
бывшие босс и подчиненная – ныне муж и жена # он - коварный карьерист
или защитник семьи? # она - не уверена в нем или в себе?Есть предыстория,
но можно читать отдельноИстория полностью вымышлена и происходит в
несуществующем городе N. в альтернативном реальности

© Воробей И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Новость	5
Глава 2. Единственное	8
Глава 3. Никто, кроме	12
Глава 4. Личная обида	15
Глава 5. Тоже	18
Глава 6. Рыхлое ощущение	21
Глава 7. Главное	23
Глава 8. Дежавю	26
Глава 9. Презумпция	29
Глава 10. Нежеланный гость	33
Глава 11. Дурное влияние	37
Глава 12. Скорее всего	41
Глава 13. Фантомная боль	46
Глава 14. Без чувств	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ирина Воробей

Адъос, мэр! (Не)удобная жена

Глава 1. Новость

Только собираюсь выслать результаты первого скрининга мужу, как вылетает уведомление от городского паблика¹.

«Кандидат в мэры Эрик Шиль оказался в центре скандала – его кутеж в стриптиз-клубе закончился дракой с вышибалами».

Сердце начинает биться быстрее, ускоряется максимально за считанные секунды, будто спринт бежит. Мне становится страшно, что сразу после оно резко остановится. И малыш во мне застынет ни жив ни мертв. Глажу живот, пытаюсь уговорить тревогу и не обращать внимания на очередную желтушную утку. Хотя все меня убеждает в обратном: никакая эта не утка, издание ведь солидное...

Открываю новость и читаю пост.

«Накануне кандидат в мэры, бизнесмен и меценат, Эрик Шиль устроил дебош в ночном клубе «Бабочки». Сотрудники клуба, присутствовавшие при этом, заявляют, что мужчина был сильно пьян. Вечер он проводил в компании юных красавиц...».

Мгхммм. Вдох-выдох.

«По словам бармена, кандидату в мэры не понравился отказ одной из танцовщиц принимать его знаки внимания. Он разгромил стол и барную стойку, разбил несколько бутылок элитного алкоголя и пару зеркал. Его пришлось принудительно вывести из помещения клуба, чтобы не мешать остальным посетителям наслаждаться отдыхом. Все это время Шиль пытался отбиваться от охраны, матерился и грозился, что когда станет мэром, закроет данное заведение...».

Эрик такое сказал? Что он употреблял там?

«Харизматичный бизнесмен и щедрый филантроп Эрик Шиль стал темной лошадкой текущей политической гонки за пост мэра. Рейтинг начинающего политика все эти месяцы рос семимильными шагами. Избиратели оценили, что Шиль с супругой вместо роскошного свадебного торжества устроили скромный благотворительный ужин. Собранные средства пошли в поддержку городского фонда защиты семьи и детства «Вместе». Также Шиль пожертвовал двадцать миллионов рублей на благоустройство Парка Романтиков, в котором проходила церемония их бракосочетания.

Однако разразившийся за месяц до дня выборов скандал может сильно спутать Шилью карты. Текущий мэр Коршунов, порядочный семьянин, пропагандирующий отказ от алкоголя и борющийся с nepотpeбствoм, но сильно утративший доверие горожан, снова может набрать симпатий на фоне нерадивого конкурента. Жители города бурно отреагировали на nepиcтoйнoе поведение кандидата в градоначальники. Многие выказали разочарование...».

Разочарование... Да, именно так. Полностью согласна с горожанами. Сплошное разочарование.

Что это? Как? Похоже на бред, но ведь... я же знаю Эрика. Покутить он любит. Правда, еще не позволял себе устраивать дебоши, но вот с юными красавицами водился только так... Аргхх!

¹ Паблик (от англ. Public – публичный) – это открытая публичная страница в соцсети, созданная для трансляции контента от лица автора, бренда, организации или СМИ.

«Наша редакция получила видеоматериалы с камер наблюдения как внутри клуба, так и на улице. Представляем вам имеющиеся кадры».

Прокручиваю видео туда-обратно. Все мутно, но я узнаю своего мужа. Его фигуру, его одежду, даже манеры...

И так гадко становится на душе. Неужели опять обман? Вся наша любовь, свадьба, ребенок... Это фикция? Ради власти? Что если, ему жена была нужна только на публику? Что если, он и в мэры баллотируется не из-за меня, а потому что сам жаждет власти? Что если, он решил это гораздо раньше, и мой пранк над дочкой Коршунова здесь ни при чем?

Ааа! Бесит! Взорваться готова!

Но у меня ребенок под сердцем. Наш малыш... ка. Как раз хотела Эрику сообщить, что это девочка. Нужен ли ему ребенок по-настоящему, не показухи ради? Он ведь всегда был убежденным холостяком...

Вздрагиваю от этой мысли. И разлом во мне расширяется. Все полости заливают обидой, мерзкой такой, кислотной. Пока ничего не укладывается в голове, но душа уже отравлена. Коррозия быстро достигает и сердца.

Муж. Мне. Изменил.

Не успеваю сама осознать, как подружки строчат.

Софа: *«Ой, Светка, какой кошмар! Знаешь, ты не переживай только. Тебе сейчас нельзя. Пошли его на, кобеля этого. В принципе, мы знали, за кого ты выходишь. Так что... Держись, подружка! Ты справишься».*

Настя: *«Светка, ну капец, конечно. А мы тебе говорили, что мужики не меняются. Вот! Что и требовалось доказать! Блин, ты короче это, сопли не жуй. Этот урод тебя недостойн. У тебя вся жизнь впереди. Найдешь еще себе нормального мужика. Вон, как Томка».*

Тома: *«Мда, недолго твой продержался, конечно. По нему сразу видно было. Такие мужики всю жизнь бабам под юбки смотрят. Я же тебе говорила, не ходи за него... Любовь! Любовь! Вот она твоя любовь! Как быстро сказочке пришел конец».*

Конец, конец, конец – бьется эхом в сознании под ускоряющийся ритм сердца.

Ага... Все знали, одна я дура наивная... Господи, и так тошно, девочки!

Они меня вообще поддерживают или злорадствуют? Все как будто только и ждали, пока Эрик проколется. Не верили с самого начала, ведь не могло же мне, обычной секретарше Светке Шароновой, так повезти, большой куш у судьбы урвать – заарканить красавца, альфа-самца, при деньгах и в почете, уже состоявшегося, да еще и заядлого холостяка. Не могло.

И, видимо, не повезло.

А я верила... Я искренне верила, что у нас любовь, что так бывает... как в сказке.

Снова эхо облетает сознание: «Конец. Конец. Конец».

Да пошли вы все! Подруги, называются!

Швыряю телефон на кровать и замираю, уставившись в одну точку. В голове – пекло мыслей, в сердце – пурга чувств.

Не знаю, сколько так сижу. В реальность меня возвращает стук. Не в дверь, а в окно. Оно закрыто, потому что работает кондиционер. За стеклом никого. Да и не может быть. Этаж первый, но чуть завышен, высокий мужчина типа Эрика будет как раз доставать макушкой до подоконника.

Снова появляется кулак и стучит по стеклопакету, а затем пропадает. Вместо него вырастает огромный букет моих любимых пионов.

Эрик! Явился! Собственной кобелиной персоной! Ох, я ему сейчас...

От ярости не встаю, а взлетаю и за секунду оказываюсь у окна. Открываю его нараспашку, чтобы моему гневу нашлось пространство, и перегибаюсь через подоконник.

Эрик опускает букет, поднимает на меня голову и предусмотрительно отходит на шаг. Обычно статный и энергичный, во всех смыслах спортивный, сейчас он выглядит удручающе.

Волосы растрепаны, морщины как будто высечены, под глазами мешки. Помятый, несвежий, болезненный, он, кажется, даже не переодевался с бурной ночи. Фиолетовые глаза заранее извиняются. Но лицо суровое.

– Уже видела? – не спрашивает, а утверждает хриплым голосом.

– Нет, дорогой, жду, когда ты мне сам расскажешь о своих ночных похождениях, – ухмыляюсь, выжигая его взглядом. – Ночка тебе явно удалась.

Меня от злости пробивает на сарказм. Но я, действительно, жду объяснений или оправданий. Желательно, правдоподобных.

Эрик смотрит в глаза обреченно и качает головой.

– Нет, не расскажу. Потому что сам нихрена не понимаю. Память как отшибло, – и закрывается ладонью.

Сердце разлагается по частям, как гнилой плод. Я держусь за живот, как будто так могу спасти наше чудо. Не хочу, чтобы оно сейчас травилось ядом моей злобы, но у нас пока одна кровь.

– Ты даже не будешь отрицать, что такое могло произойти? – усмехаюсь, хотя каждое слово вызывает резь в груди.

Чего я требую? Мы оба знаем, что такое легко могло произойти. Но я надеялась, что это все осталось в прошлом, в его жизни *до* меня.

Эрик поднимает тяжелый взгляд.

– Проснулся не пойми где. Голый. С какой-то пьяной девицей.

– Ах ты подонок! – выхватываю букет, единственное, что попало под руку, хотя надо бы что потяжелее, и разбиваю его о голову Эрика. Бутоны разлетаются. Я стегаю его оставшимся веником что есть мочи. По лицу, по плечам, по груди. – Говнюк! Мерзавец! Паскуда! Сволочь! Кобелюга!

– Светыч, пожалуйста! Дай разобраться!

– Не дам!

Добро пожаловать в историю!

Думаю, она получится несложной, зато эмоциональной. История может читаться полностью отдельно, но вообще у Эрика и Светы есть предыстория о том, как они перешли от рабочих отношений к романтическим. Предыстория короткая и более лайтовая по настроению, чем эта. Кому интересно, приглашаю почитать:

[Предыстория здесь](#)

Приятного чтения! Надеюсь, вам будет интересно!

Глава 2. Единственное

Я весь букет разношу в щепки об Эрика. Он защищается руками, но не пытается отбиться. Стоит с опущенной головой. Отрубил бы по самый пояс! А лучше ниже.

Добиваю его последним стеблем, который отлетает на мелкий газон к остальным, и с досадой проклиная весь белый свет.

– Ты все? Кончила? – Эрик поднимает закрытую руками голову и приоткрывает щели для глаз. Смотрит на меня с опаской и, осмелев, опускает руки.

– Это была прелюдия, *дорогой*, – я гневно дышу. Во мне целый ад кипит.

Летний зной забирается под кожу, и без того раскаленную. И в глазах искрится.

– Я понял, будет жестко, все, как я люблю, – сдаётся Эрик, стряхивая с себя лепестки и листья. Делает осторожный шаг вперед и воровато озирается по двору.

Зачем пролез через забор? Постыдился парадного входа? Есть чего стыдиться, значит?

– Да кому ты нужен, хламидиоз халявный?! И трогать меня не смей, пока все анализы не сдашь! – грожу ему пальцем из окна.

– Апп, не дразни меня! – Эрик кидается на него, как голодный волк, шугая меня.

Я прячу руки под мышки и отпрыгиваю от окна. Он этим пользуется и влезает внутрь. Ловко, как гимнаст.

– Светыч, – замирает, опустив ноги на пол. Руками еще упирается в подоконник, а глазами – в мое раздутое злостью лицо. – Это наверняка Коршунов подстроил.

– Подстроил? – во мне за мгновение рождается и взрывается вулкан. – Да ему всего-то стоило тебя напоить, а дальше ты сам все сделал! На видео тебя никто не принуждал приставать к танцовщице. Ты точно не под дулом пистолета это делал.

Да и вообще вряд ли принуждение под страхом физической расправы могло сильно подействовать на человека в таком нетрезвом состоянии.

Выходит, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке? То есть Эрик хотел этого, просто не позволял? «Бабочки» ведь – его любимое место. Было. Он раньше там постоянно подстреливал себе *чаек*, когда я еще работала его ассистенткой.

Быстро заряжаюсь новой порцией злости, вспомнив, как он заставлял их стонать в своем кабинете, и толкаю Эрика. Он откидывается назад, но задерживается за раму окна. Голову роняет на грудь, словно та на волоске висит.

Каётся?

– Свет, ну реально чухня же какая-то. Я ведь тебя люблю. Да не мог я! – Эрик падает к моим ногам и, задрав сорочку, целует коленку.

От щекотки я вздрагиваю. Или от омерзения. Непонятно, кого эти губы ночью целовали...

– Ты хоть помылся? – корчу брезгливую мину.

– Водкой запил. Считается? – горькая усмешка.

– Фуу! – хочу его пнуть, но Эрик перехватывает мою ногу.

Я теряю равновесие и уже валюсь назад. Он успевает поднять меня на руки. Реактивный гад! Мы теперь лицом к лицу. Эрик скалится и виновато, и с легким торжеством.

Ну нет! Так просто меня не возьмешь!

Брыкаюсь изо всех сил.

– Отпусти меня, потаскун! Не трогай, я же сказала!

– Все, все! Отпускаю, – плохо уворачиваясь от хлестких ладоней, Эрик аккуратно кладет меня на кровать, словно я фарфоровая.

Пользуюсь этим и пинаю его. Удастся отползти к изголовью. Я тут же нажимаю на кнопку вызова медсестры. Пусть его спровадят отсюда. Все равно не могу на него смотреть. Мне надо остыть. А то опять глупостей наделаю.

Но Эрик, гад, подтягивает меня к себе и наваливается сверху.

– Аркх, Светюга-зверюга! Ну не кипятись раньше времени, прошу тебя! Дай во всем разобраться.

Он закидывает мне руки и вжимает их в пружинный матрас, но я не сдаюсь. Барахтаюсь под ним, разбивая ногами воздух, каждым мускулом чувствую собственное бессилие. Во время секса Эрик всегда крепко держит – не вырваться. Любит пытать меня страстью, не позволяя кончить. Наслаждается тем, как я теку под ним, а потом берет на полную.

Правда, в последнее время, как узнал о моей беременности, Эрик стал очень нежен. Мне даже не хватает немного грубости. Наверное, поэтому я и сейчас слегка возбуждаюсь.

Аргкх! Блин! О чем я думаю, ненормальная?!

– Пусти меня, гад! Ты мне противен! – уже плююсь. На саму себя, наверное.

– Пожалуйста, успокойся!

Ах он тварь! Еще успокоиться просит! Вот я бы ему так явилась после вечеринки с несколькими красавчиками, он бы этот город напалмом накрыл, никого не щадя, лишь бы этих ублюдков выжечь.

– Отстань от меня, предатель!

– Светыч, я же говорю, меня подставили, – тон такой, будто в сотый раз уже объясняет.

Он стоит надо мной на коленях, чуть ли не тыкает в лицо... своей тыкалкой. Я рычу, пытаюсь вырваться, хоть и знаю, что это бесполезно.

Раздается щелчок двери.

– Слезь с меня, скоти.... Мхмхм! – Эрик затыкает меня ладонью.

– Светлана Андреевна, вызывали? – раздается голос медсестры – мое спасение.

Он оборачивается на нее, глядя исподлобья, а мне не дает приподнять голову. Я даже крикнуть не могу, только мычу. Зато слышу, как она с ахом открывает рот и со стуком зубов закрывает.

– Ой, Эрик Альбертович, прошу прощения, – шаги назад, скрип двери. – Вы, видимо, случайно нажали, а я... Извините! Не конч... То есть кончайте! Я все!

Дверь захлопывается с той стороны, и в палате мы снова одни. Переглядываемся с Эриком, секунду осознаем, что произошло, и оба прыскаем от смеха.

Мда уж... Неловко вышло. Медсестра явно подумала, что я Эрика ртом здесь ублажаю. С ее ракурса только так и может показаться.

– Вот что теперь люди обо мне скажут? – ловлю момент, пока он расслаблен в смехе, и спихиваю его с себя.

– Что мы любим друг друга? – досмеивается Эрик, но только я порываюсь встать, хватается меня за руки и сажает себе на колени. – Лапуль... Ты же знаешь, ты – единственное, что я боюсь потерять. Мне без тебя все это... Да катись оно все карасем!

Он кладет голову на мое плечо и дышит мной, зажевывая волосы, обжигая щеку, лаская теплом шею.

Блин...

Тоже делаю глубокий вдох и задыхаюсь его перегаром, непонятно какими духами, почти выветрившимися, и чем-то еще. Наверное, так воняет предательство, невыносимо гадко.

– Я же сказала, не смей!.. – вхолостую пытаюсь высвободиться из его объятий.

– Светыч! – Эрик стискивает меня руками, плотно прижимая к себе. – По-любому это птеродактиха пернатая все подстроила! Сам Коршунов бы вряд ли додумался, а она решила двух зайцев одной пулей грохнуть: нас с тобой рассорить и папане помочь выиграть.

Я оборачиваюсь. Фиолетовые глаза, пораженные синдромом Александрии², выжигают мое сердце. Вглядываюсь в них глубоко. Там полный хаос, как и у меня, но при этом твердая убежденность. Или самоуверенность.

Оох... Не стоило мне тогда так издеваться над Асей Птичкой. Какая же дура я была! С огнем играла! Вообще не думала о последствиях. Эргх... Разумеется, ей хочется отомстить и тоже публично меня унизить.

Ладно, допустим, все подстроила она, но действовал-то Эрик сам, пусть и пьяный.

– И как она заставила тебя подставить себя самого? На видео все недвусмысленно, – сглатываю.

– Может, это вообще не я на видео, – ему остается только плечами пожать.

Он крепче сжимает мои слабые ручонки в своих громадных кулаках.

– А кто? Внезапно обнаруженный брат-близнец, которого ты по неопытности не успел съесть в утробе матери? – теперь из меня вырывается горькая усмешка. – И с девкой пьяной проснулся не кто-то, а ты!

Горчит на губах, на языке, в глотке. Главное, чтобы до малышки не добралась эта горечь. Глажу живот. Эрик смотрит туда.

– Меня могли с ней просто положить, – переводит грузный взгляд на мое лицо. – Свет... Мне пока нечего тебе сказать. Но ты носишь моего ребенка. Я уже говорил, я тебя не отпущу. А вастем более. Никогда. Ни за что.

– Я больше не твоя помощница, Эрик. У тебя нет былой власти надо мной, – говорю мучительно. Или с досадой. Потому что власть у него есть, другая, гораздо более сильная. И все же не всемогущая.

– Мне и не нужна власть над тобой, – а взгляд темен. – Ты единственная, кого я сам готов слушаться.

Хм. Звучит, как всегда, убедительно. И глупое мое сердце охотно верит. На секунду даже подтаиваю, впрочем, Эрик меня сам приучил – доверяй, но проверяй.

Шиль Эрик Альбертович, прирожденный лидер и одиночка по жизни, которому я служила верой и правдой целых пять лет, прежде чем заслужила доверие, который спохватился и признал свои чувства, только когда я решила уволиться, который всегда был гулякой-холостяком и только из-за страха потерять единственного верного помощника согласился изменить жизнь и завести семью, этот человек не привык проигрывать.

Только это уже не игра. Я теперь отвечаю за двоих. Наивность – слабость, которую я больше не могу себе позволить.

– Если все окажется правдой, ты нас потеряешь. Навсегда, – всю волю собираю в кулак, сжимая в нем сорочку. Потому что сама очень не хочу, чтобы все оказалось правдой, не хочу его терять, своего первого мужчину, единственную любовь.

– Знаю, – выдыхает Эрик и поднимает измотанное лицо.

Хм, там минимум первые пять свежестей сошли. Ему всего-то сорок три, а сейчас на пенсионера смахивает. Что алкоголь с людьми делает? Или не алкоголь?

Тяжелые, как горы, плечи поднимаются и опускаются. Сотрясают подо мной опору. Это одновременно вселяет надежду и сбивает с толку. Очень похоже, что Коршунов нечестно ведет борьбу – подослал профурсетку болтливую, а та играючи подсыпала Эрику какой-нибудь порошок. Но как они могли заставить его пристать к танцовщице? Чем его разбуянили? Качество видео, конечно, оставляет желать лучшего, все равно там четко видно, как Эрик сам тянется к ногам стриптизерши. Может, эти подставные чайки, которые его окружали, пари с ним заключили, чтобы он пристал к несчастной?

Оргх, я во все что угодно готова поверить, кажется, лишь бы не принимать правду.

² Синдром Александрии – мутация, при которой цвет радужек окрашивает в фиолетовый (не подтвержденный миф)

– Расскажи, что помнишь, – прошу его, стараясь держать голос ровным, хотя сердце в груди африканские пляски устроило.

Глава 3. Никто, кроме

Эрик протирает губы ладонью, натягивая сухие щеки на скулы, но взгляд не уводит.

Больше он меня не держит, и я могу отсесть. Переваливаюсь на матрас и отползаю к стене, поджав коленки к груди. Он смотрит мне в промежность. Закрываю ее сорочкой демонстративно. Эрик вздыхает.

– Я вчера однокурсника встретил, с первой вышки, с политеха, – пожимает плечами. – Пошли в бар вспомнить молодость. Бухали там, разговаривали, а дальше... пустота. Как вырубил.

Фиолетовые глаза распахиываются, и я вижу в черных зрачках бездну – ту самую пустоту его воспоминаний. Хотя бы в этом он не врет. Эрик вообще вроде не врет. Может слукавить, недоговорить или разыграть с покерфейсом, но нагло глаза в глаза он мне еще не лгал. Никогда. По крайней мере, до этого. По крайней мере, я до сих пор его не раскусила.

– Думаешь, он тебя напоил? – хмурюсь. Даже припомнить не могу никаких его студенческих товарищей с политеха. У Эрика вообще друзей немного. Он же недоверчивый.

– Да, е-мое, не знаю я, Свет! – почти рвет на себе волосы, но они крепкие, как лошадиные, не отрываются нифига. Сама в гневе пробовала. Тщетно. – Но зачем ему это? Мы с выпускного не виделись. Чисто случайно встретились на заправке. Он тут проездом, на Алтай летит. Сам вообще давно за границей живет, родину посещает раз в несколько лет. Чисто по горам ходит, скалолаз он.

Хм. Действительно, зачем ему?

– А что за бар? Тот ирландский паб, где тебе пиво нравится?

– Да первый попавшийся. Никогда там не был до этого, – Эрик разводит синхронно руки и брови. – Это ж было после встречи с избирателями. В Северном районе, где я по жизни не бываю почти.

Естественно. Самый неблагополучный район города, людям со статусом и богатствами Эрика в таких местах делать нечего. И как они оттуда до «Бабочек» добрались?

– Хм, – больше мне сказать нечего. Пока ничто не намекает на подставу.

Зависает напряженная пауза. Я жду продолжения, а Эрику продолжать явно нечего.

– Дальше не помню ничего. Может, я напился до точки, а они решили этим воспользоваться? – он пожимает плечами. Сам слышит, какую чушь мелет.

– Ага, конечно. По иронии судьбы Коршунов со своей свитой там же тусил вчера, – сарказм из меня прямо дрищет, зато обида утрамбовывается в животе. – Или думаешь, они к гадалке сходили, и ретроградный Меркурий им локацию скинул, где вы со случайным другом бухать будете?

Эрик смотрит с укоризной и мотает головой.

– Выясню, – сухо, словно и не звуки, а песок вылетает изо рта.

– Выясни, – припечатываю его сдавленным голосом.

Отворачиваюсь к окну, за которым зенитное солнце обжало августовский город. Уже не жарит, скорее, печет. Духота проникает в легкие. Накаляет в них воздух. Или это мой внутренний кипятик? Будь я вулканом, разрушила бы этот город, как Везувий – Помпеи.

Не успеваю представить до конца, какой разрушительной может быть моя обида, на всю палату верещит звонок. Это Эрику.

Он шарит по карманам. Находит телефон под попой и подносит к уху. Окно открыто, но улица далеко, а во дворе тихо. Никакой шум не мешает мне подслушивать.

– Да, Виталь, – басит Эрик.

Так его политтехнолога зовут, до сих пор путаю его с Виталием. Наверняка по поводу дебоша звонит. Виталь тут же подтверждает мою догадку.

– Эрик Альбертович, надо с этим скандалом срочно что-то делать, иначе мы проиграем. Вы где сейчас?

– У жены, в больнице.

– Она с вами? – уточняет осторожно.

– Ну раз я с ней, значит, и она со мной, – раздражается Эрик.

– Я в другом смысле. После... *этого* она все еще с вами? – мне по воздуху неровной волной передается неловкость Виталья. – Если так, то ваша жена – наш шанс на спасение. Она может обеспечить вам алиби.

Эрик вздыхает и переводит на меня взгляд, а я свой – на стену, на которой висит гербарий в широкой белой раме. Виталь умеет задавать вопросы. Я и сама сейчас не знаю ответа.

– Нужно срочно созвать пресс-конференцию, – не дождавшись, продолжает Виталь, причем с такой возмутительной невозмутимостью, что мне хочется его отлупить. – Ваша жена должна заявить, что эту ночь вы провели с ней, а на видео – подставное лицо. Если она будет спокойна и уверена в себе, это может сработать. Настоящая жена публичную измену так легко простить не сможет. Многие ей поверят.

Эрик поднимает бровь, косит рот вправо и смотрит на меня снизу, то ли извиняясь, то ли моля, то ли непонятно что. Виталь ровно дышит. Лишний раз убеждаюсь, что политтехнологи не менее циничные люди, чем те, на кого они работают.

Глядя мужу в глаза, я пытаюсь ответить себе на вопрос, способна ли простить измену, да еще публичную, да еще такую унижительную. Если все – правда, то Эрик променял меня, беременную, на каких-то одноразовых танцовщиц, причем по порыву души, когда был пьян, а значит, искренен. Это трезвый он может себя контролировать и оставаться со мной, но когда дает себе расслабиться, сразу тянется к этим чайкам длинноногим, получается?

В груди снова закипает лава. Города Помпеи мне явно недостаточно для утоления злости. Здесь как минимум Европа требуется.

Хотя, вероятно, изначально во всем виновата именно я. С меня все началось. И в мэры Эрик пошел тоже только из-за меня, то есть мой поступок не оставил ему выбора.

Но он тоже хорош! Кто ж так предложение делает, как будто приказ отдает, лишь бы я не увольнялась? Конечно, я не поверила с первого раза. Отомстила чисто по-женски и переслала кольцо вместе с предложением руки и сердца его тогдашней любовнице. Я честно не знала, что она внебрачная дочь мэра, с которым у Эрика и так складывались непростые отношения. Ася Птичка по моей указке всем расхвасталась помолвкой в своем блоге, и тогда у Эрика начались настоящие проблемы, ведь жениться он на ней не собирался. Впрочем, он сам признавал, что сильно хуже я не сделала, наоборот, избавила его от навязчивой девицы.

Мэр уже тогда начал выкобениваться и выкручивать Эрику руки, тормозил все его проекты, за каждый чих вымогал приличные взятки. Без своего денежного довольствия Коршунов в этом городе ничему не дает зеленый свет. Все через собственный карман.

Бедный Эрик вынужденно ему платил. Но после всей этой ситуации с Асей Птичкой их отношения с Коршуновым перешли на новый уровень. Теперь наш холдинг не обкрадывают, а грабят. В последнее время просто задрючили проверками. Если Эрик проиграет выборы, Коршунов наверняка захапает его бизнес. И самого Эрика еще запихает за решетку, если он не успеет смыться за границу.

Орх! Как все круто развернулось... Если б я знала тогда, что так все сложится.

– Других вариантов, как еще спасти вашу репутацию, я не вижу, – говорит Виталь, снова не выдержав нашего молчания. – Даже если это реальная подстава, пока мы расследуем, пока докажем, выборы уже пройдут, и вы их гарантированно проиграете. Нужно хоть что-то более-менее убедительное, за что народ сможет зацепиться. Как можно скорее. Чем дольше тянете, тем меньше к вам будет доверия.

– А если что-нибудь о его коррупции сейчас вбросить? – Эрик хмурит брови.

– Во-первых, у нас нет серьезных доказательств. То, что у вас он взятки вымогал, и по вам урон нанесет, ведь вы их платили. Во-вторых, мы же с вами обсуждали. Сейчас не время, – нервно заявляет Виталь.

Он и правда много отговаривал Эрика выпускать эти материалы до выборов. Даже при мне пару раз было. Типа пока у власти Коршунов, такое расследование выпускать опасно. Все равно суд должен будет разобраться, это история на месяцы или даже годы. О шикарной жизни мэра и его окружения на казенные харчи горожане и так в курсе – эффект будет незначительный, однако проблемы можно нажать огромные, ибо вся верхушка города с ним повязана. Тут якобы надо сперва к власти прийти, затем проводить чистки, своих людей ставить и тогда только начинать копать под предыдущего мэра. Виталь считает, что это долгоиграющая стратегия, больше задел на второй срок.

– Разумеется, это сбавит ему очки, но людей эта неновость не шокирует, точно не как ваш... дебош, – продолжает Виталь, убрав все раздражение из голоса. – В Коршунове люди давно распознали взяточника, а вы их сегодня конкретно разочаровали. Эта эмоция сильнее и более свежая. Вам нужно себя обелить, хотя бы на тон. Выбор из двух зол – плохой выбор. Иногда побеждает меньшее зло, а иногда – привычное.

Виталь вздыхает меланхолично. Я вглядываюсь в лицо Эрика. Фиолетовые глаза затмевает сомнение.

– Люди ведь вас в деле еще не видели. Если вы жену обманываете, то что вам мешает и им соврать, а потом так же пуститься в издоимство по стопам предшественника?

Будь я обычным избирателем, мне было бы все равно, с кем мэр развлекается, главное, чтобы делал что-нибудь для людей. Впрочем, Виталь прав, одна ложь подтягивает вторую, та – третью, и с каждым разом все усугубляется. Я Коршунова тоже порядочным семьянином считала, а у него оказывается все это время росла внебрачная дочь, и не факт, что одна. То есть обманщиком он стал гораздо раньше, чем мэром. Должность просто дала его натуре разгуляться.

Но Эрик ведь... не такой.

Закрываю ладонями лицо и делаю глубокий-глубокий вдох в попытке утихомирить борьбу двух своих стихий: обиды и совести. Вдруг все – правда? Если да, то Эрик, выходит, первым меня предал, и я имею полное право поступить с ним так же. А ведь все очень похоже на правду. Ему нечего противопоставить. Видеокамера все зафиксировала. Даже если его напоили, этим действиям нет оправдания. Зачем мне выгораживать такого мерзавца? Он просто хочет спасти свою скверную шкуру! И опять меня использует, как раньше использовал в бизнесе, а я, верная собачонка, все указания выполняла беспрекословно в надежде добиться его расположения.

– Так что, я настаиваю, лучше всего сейчас доказать публике, какой вы верный муж и семьянин. Никто, кроме вашей жены, это не сделает. Итак, она с вами?

– Ты со мной, Свет? – спрашивает Эрик, прижав телефон к бедру.

Фиолетовые глаза втыкаются в меня всей своей жадой. Снова сбивают с толку. В них одновременно извинение и уверенность в собственной правде. Уже не знаю, чему верить. Даже чувства свои разобрать не могу – чего там больше теперь, любви или ненависти?

Глава 4. Личная обида

В палате повисает душная тишина. Даже сердце перестает долбить, а стучит очень тихо и, кажется, медленно. Эрик смиренно ждет моего ответа, не спуская глаз.

Во мне все еще сидит надежда или слепая вера, что он ни при чем, от и до. Вдруг, правда, на видео не он? Лицо там видно плохо. Хотя фигура очень похожа, и одежда, которую он на заказ шьет, да и манеры смахивают. Если кто-то его и сыграл, то очень профессионально. Неужели они эту операцию целый год готовили? И специально перед самыми выборами раскрутили? Невероятно. Слишком затратно для игр местного уровня. Понимаю, они бы в президенты метили... И как в это вписывается однокурсник?

Оргкх! Хоть сама расследуй!

Но разобраться точно надо. Коршунов с Асей – те еще твари. Если Эрик проиграет, мне от них тоже спасу не будет. Тем более, у Птички зуб именно на меня, а не на Эрика. А я теперь мама и должна защищать свое дитя. Да и потом, даже если Эрик – бабник и кутила, менеджер он все равно отличный. И я знаю, что он искренне хочет сделать этот город для людей. Для всех будет лучше, если мэром станет он. А моя личная обида – это моя личная обида. Не должны же горожане страдать из-за нее.

Мы переглядываемся, и я киваю. Слабая улыбка кривит его губы. Взгляд меня благодарит. Эрик перекладывает телефон на бедро экраном вверх и включает громкую связь.

– Виталь, созовите конференцию на вечер, – говорю деловито, будто снова речь о работе, а не о моей семье. – Я готова выступить с заявлением.

– Отлично, – из динамика раздается хлопок. Это Виталь так радуется. – Нам надо встретиться, обсудить ваше заявление. И вообще, чтобы вы были готовы к каверзным вопросам.

– Давай за пару часов до конференции в моем офисе. На связи, – Эрик отключает звонок и поднимает на меня взгляд. Не знаю какой. В нем все и сразу. Я читаю беззвучный вопрос: «Уверена?».

Отвечаю на него тоже без слов, качая головой. И мы молчим, вглядываясь друг в друга. Он извиняется, я пытаюсь это принять.

– Свет, – спустя длинную паузу Эрик снова подбирается к моим ногам и хватается правую обеими руками. – Лапа моя, поверь, мне шлюхи эти вообще никуда не уперлись. Ты знаешь, у меня было много времени нагуляться до свадьбы. Я по горло сыт всякими... Меня теперь на тебя-то едва хватает.

Он улыбается. Я краснею. Да, за этот год я пыталась наверстать упущенное. Все-таки зря до двадцати семи хранила девственность. Пока не попробовала, жила спокойно, а как познала удовольствие, так... Бедный Эрик.

И ведь правда, первые полгода мы кувыркались, как кролики, на волне влюбленности, но потом политика стала занимать у него все больше времени и внимания. Общение с избирателями вытягивало последние силы. Домой, ко мне, он возвращался истощенным, вечно загруженным, вечно в думах. Его по-настоящему волновали судьбы людей, несправедливость, с которой они сталкивались, и проблемы, которые никогда не переводились. При такой интенсивной работе, действительно, не хватило бы желания на левых шлюх. Хотя...

Может, встреча с однокурсником, воспоминания о юности, взбудоражили его? Или он устал только от меня, от моих истерик и капризов, а со шлюхами как раз отдохнул? Они ведь непривередливые – плати и пользуй.

Чему верить? Мне, кажется, самой требуется хоть что-то мало-мальски убедительное, за что я могла бы зацепиться.

– Ты не обязана за меня заступаться. Еще не поздно отказаться, – Эрик целует меня в косточку, которая выпирает из лодыжки. – Я там или не я, а все равно это моя вина, что я им

позволил так опорочить свое имя. Очевидно, карма настигла за прошлые грехи. Сам и буду разгребать это дерьмо.

Он вздыхает, не отрывая губ от моей кожи. Я прям чувствую, как его гложет. Эрик ненавидит зависеть от кого-то. Привык, что все зависит от него.

– Я это ради себя и ребенка делаю. Коршунов нам жизни не даст, если ты проиграешь, – убеждаю себя, что это и есть корневая причина моего решения. – Точнее, его дочурка.

– Не бойся. Вас я никому в обиду не дам. В лепешку расшибусь, но вы должны быть счастливы, – Эрик усмехается и касается моего живота легонько. – На крайний случай забереешь все и свалишь в Аргентину. Если там родишь, ему сразу гражданство дадут.

Меня передергивает от одной мысли. Перспективка так себе. Я укоряю Эрика взглядом, но позволяю ему трогать нашу малышку. Все-таки папка родной. От этого уже не деться.

– С чего ты взял, что *ему*? – склоняю голову. Результат скрининга я так и не выслала.

У Эрика брови на лоб натягиваются, а улыбка – до ушей.

– А че, *ей*? Девчуля-красотуля, значит, будет? – довольный такой, хотя все время до этого говорил о сыне, уже гордился им, еще не родившимся. Я даже немного испугалась, когда узнала пол, думала, Эрик расстроится.

– Ну, с вероятностью в восемьдесят процентов, – передаю слова узиста.

– Охохо, дочка! – Эрик вскидывает кулаки и, пользуясь моей растерянностью, целует меня в живот. Пытаюсь его отодрать за волосы, но он упирается и шепчет. – Доча, ничего не бойся, папа здесь. Ты там расти спокойно. Мы тебя очень ждем.

– Она пока твоих слов не понимает, – говорю из вредности.

– А че понимает? Музыку? Могу спеть, – Эрик растягивает довольный оскал.

– Ооо, нет! – выставляю ладонь, хотя знаю, что это его не заткнет. – Ты ее инвалидом по слуху хочешь сделать? Она и так будет твоей дочерью, мне кажется, уже достаточно для признания ее великомученицей с рождения.

Эрик льнет ко мне и басит в пузо:

– До-о-о-ча, не слушай ма-а-а-му! Па-а-апка тебя лю-ю-юбит!

Оххх... Моя дочь – первый эмбрион, который достоин этого лика святости.

Хлопаю себя ладошкой по лбу. Эрик смеется.

– Ну че ты переживаешь? Я, наоборот, прививаю ей любовь к прекрасному. Она сразу родится со знанием, что такое говеное пение. И не будет слушать всяких рэперов. Классику полюбит всей душой.

Воздушный поцелуйчик нисколько не прибавляет убедительности его теории.

Я мотаю головой и отхожу к шкафу, где хранится чемоданчик. В груди еще саднит. И не успокоиться ведь, пока Эрик мне не докажет, что его подставили.

– Собраться мне помоги, – указываю на разбросанные по всей палате вещи: в кресле, на столе, под кроватью. – И я кушать хочу. Не знаю что. Все надоело. Хочу одновременно легкого и сытного. Не сладкого, но и не жирного. И без всяких копченостей. Но чтобы вкус был необычный. Найди какое-нибудь место интересное по пути.

Побегай, кобелюга.

Пусть не думает, что мое прощение ему легко достанется.

А достанется?

– Оки-чмоки, – подскакивает Эрик следом и начинает носиться по палате.

У него уходит всего пять минут, чтобы собрать все мое тряпье и всякие гигиенические принадлежности. Правда, он так комком и кладет все в чемодан. Мужик, блин. Смирюсь с этим. Сама пока навожу красоту на лице.

Эрик со звуком закрывает чемодан на молнию и ставит его вертикально. Улыбочку с лица не снимает, или она уже не снимается.

– Чего такой счастливый? Ты вот-вот всего можешь лишиться, – очень хочется испортить ему настроение.

– Пока у меня есть ты, на все остальное мне плевать, – Эрик, как всегда, звучит уверенно. Такому тону подсознательно веришь, неважно, какие слова он говорит. – Я разоблачу этих уродов, которые пытаются отнять тебя у меня.

Он подходит сзади, обнимает меня за плечи и целует в макушку. Я вижу в зеркальце его теплый взгляд. Закусываю на помаженные губы, киваю, а у самой в голове крутится пугающая мысль, что в этом разоблачении он может выйти на себя. Опыт показывает: люди чаще ошибаются сами, чем кто-то их намеренно подставляет.

Глава 5. Тоже

Нам вот-вот выходить в холл, забитый журналистами и блогерами, перед которыми мне нужно двинуть убедительную речь о том, что мой муж – не мудак, а у меня немеет язык. Я вообще врать всегда плохо умела. Но сейчас мне надо сделать это естественно. Заявить на весь мир, что муж вчера был со мной, а не с какими-то *бабочками*, когда это не так.

И почему, блин, всем так интересна наша с Эриком личная жизнь?! Что за страсть вечно копаться в чужом белье? Аргх! Не хочу участвовать в этом театре абсурда.

Конечно, здесь есть логика. Народ устал от недобросовестных политиканов и жаждет порядочного мэра. А порядочный человек порядочен во всем. И я знаю Эрика именно порядочным, но... теперь меня терзают смутные сомнения.

Смотрю сквозь матовое стекло на обезличенную толпу в холле и пытаюсь набраться твердости. Мне нужно быть непринужденной, легкой, уверенной в своих словах. И чтобы ни толики обиды не проскользнуло в голосе. Иначе люди только укрепятся во мнении, что Эрик – лжец и лицемер, а мне самой хочется доказать им обратное. Или себе...

– Не передумала? – улыбается он, обнимая меня за плечи сзади.

Здесь, за кулисами, тоже много разных людей: вся его команда, какие-то волонтеры, Виталь среди прочих, и я не могу проявить пренебрежение, хотя хочется скинуть его руки. С трудом себя пересиливаю.

– Нет, – киваю на вздохе, не глядя ему в глаза.

Эрик прижимает губы к моей щеке и дышит в затылок вместо поцелуя. От него теперь веет любимыми пряностями, но где-то в глотке у меня застряла его утренняя похмельная вонь и все никак не выветрится.

– Прости, что вынуждаю тебя все это делать, – шепчет.

Сейчас он искренен. Я слышу. Вроде бы. И тут же снова испытываю приступ недоверия, как будто сбрасываю иллюзию, а за ней – другая. Вся ткань мироздания истощена, расходится по швам, вьется кучерявыми нитями. Я их тяну, тяну, пытаюсь намотать, как струны, но они не поддаются.

– Кто еще знает, что тебя со мной вчера не было? – мне важно это знать, ведь всем остальным придется нагло врать, не только на публике, но и всегда.

– Только ты, Виталь и Никита.

Виталь понятно, почему знает, а Никита? Потому что лучший друг? Или потому что юрист?

– Никита?

– Да. Он ведь будет защищать мою репутацию в суде.

Ясно.

– Ты подашь иск?

– Обязательно. Чтобы выглядеть убедительно в глазах избирателей, свою правоту надо доказывать делом.

– А если... – ловлю его взгляд, и мое беспокойство мгновенно тушится его уверенностью.

– Посмотрим. До выборов все равно разбирательство пройти не успеет.

Хм. Как будто на выборах все закончится. На что он рассчитывает?

– Эрик Альбертович, можно вас, – зовет его Виталь, и я снова остаюсь наедине со своим волнением.

Пытаюсь дышать по методу, которую нашла в шортсах³: вдооох – выыыдох, вдох – выдох – вдох – выыыдох, опять вдооох – выыыдох. Спустя десять повторений пульс замедляется.

³ Шортсы (от англ. Short – короткий) – короткие видеоролики

– Как ты, Свет? – вкрадчиво спрашивает кто-то сбоку.

Поворачиваюсь – Никита. Для подстраховки, как адвокат, он часто сопровождает Эрика. И на пресс-конференции тоже будет сидеть с нами.

Обычно Никита ходит в строгих костюмах, как положено юристам, но сейчас жарко и вечер, на нем рубашка без галстука и бежевые брюки со «стрелками». Руки спрятаны по карманам, ноги на ширине плеч, таз чуть подан вперед – поза уверенного в себе мужчины. Эрик зовет его Жердям, от слова жердь.

Я пробегаюсь пустым взглядом по худой фигуре и останавливаюсь на вытянутом лице. Никита похож на актера Кристиана Бэйла, разве что волосы и глаза светлее на несколько тонов.

– Нервничаю, – стараюсь улыбнуться. – Не каждый день выгораживаю мужа-дебошира перед всем городом.

Никита кивает и опускает голову. Сколько-то мы молчим. Я чувствую, как он украдкой на меня поглядывает, явно что-то хочет сказать и выжидает момента. Из всех немногих друзей Эрика он мне нравится больше всего, потому что рассудителен, вежлив, внимателен к мелочам и ко мне относился с уважением еще тогда, когда я была секретаршей.

Может, он и видео посмотрел внимательнее меня?

– Что ты думаешь об этом видео? Там Эрик или нет? – спрашиваю, вперив в Никиту взгляд. Жду от него экспертного мнения, как будто он – последняя инстанция, но он лишь пожимает плечами.

– Качество не очень, – и говорит так бесстрастно, как наверное и положено юристу с аналитическим складом ума. – Так вроде по всем параметрам Эрик, но остается пространство для вариаций. В принципе, двойник вполне мог все это повторить: и одежду, и манеры. Эрик ведь публичное лицо, достаточно материалов, чтобы изучить его поведение. Тем более, если это подстраивали знающие его люди.

Мне остается только кивать и соглашаться. Надежды не прибавилось, но, действительно, доводы вразумительные. Теперь изначальная версия Эрика не кажется мне пустой.

– Представляю, как тебе тяжело, – Никита поворачивает ко мне голову и заглядывает в глаза как будто снизу, хотя сильно выше меня. – Я Эрику это уже сказал и тебе скажу, чтобы ты не чувствовала себя загнанной в тупик. Если вдруг что, я на твоей стороне. И в суде буду защищать твои интересы, а не Эрика. Разумеется, бесплатно.

Я тарашу на него глаза, насколько они вылезают из орбит. Неожиданно. Никита ведь – один из лучших адвокатов города, а то и страны, его услуги дорого Эрику обходятся. И они дружат еще с института, когда-то вместе учились в магистратуре. Эрик тогда получал второе высшее. Мне становится некомфортно... от такой щедрости.

Никита ловит мое удивление и улыбается.

– Мы с Татой ведь тоже разбежались из-за ее измены.

Этого я не знала, хотя догадывалась. Характер у Таты был больно ветреный.

Мы смотрим друг другу в глаза. «Тоже» звучит колко. Сбивает весь мой настрой. Почему «тоже»? Он так в этом уверен? Никита Эрика знает много лет, от сих до сих...

– Эрик точно в проигрыше не останется, – усмехается Никита. – У него есть средства и связи, чтобы нанять себе крутого юриста. А тебе, уверен, если вы решите... В общем, адвокат тебе не помешает. Я буду рад помочь.

– Спасибо, Никита, – почти шепчу, потому что все еще в шоке.

Я, правда, ему благодарна, даже если ничего отнимать у Эрика не собираюсь. В конце концов, у нас есть брачный договор, где все расписано. Сам Никита его же и составлял. Но моральная поддержка мне сейчас гораздо важнее. Приятно, что остались еще рыцари, готовые вписаться за даму в беде. Хотя обидно, если Никита именно так обо мне и думает, что я ничемная, жалкая, не умеющая постоять за себя девица, полностью зависимая от негодяя-мужа.

Да, своих денег у меня почти нет, но я и до этого без них нормально жила. И дальше буду. От алиментов Эрик вряд ли станет уклоняться, а если вдруг его переклинет, то я публичный скандал устрою, тогда не отвертится. Бизнесмен или политик, он точно будет следить за репутацией. Нет хуже имиджа, чем неплательщик алиментов на собственного ребенка.

– Готовы? – спрашивает Виталь, появляясь из тумана моего сознания.

– Угу, – собираю кулаки и киваю решительно.

Глава 6. Рыхлое ощущение

Сотни мелких лампочек на потолочной люстре и их мельтешащие блики на лакированном паркете гостиничного холла впиваются мне в глаза, как тысячи лазеров. И никуда от них не деться. Вспышки фотокамер добавляют им искр. Хочется зажмуриться и спрятаться за тотал блэкаут⁴шторами. Я никак не привыкну к публичности.

Эрик кладет мне на талию руку, и это немного успокаивает. За мной есть еще люди, я здесь не одна. Мы улыбаемся, как репетировали, и приветствуем всех в зале, прежде чем сесть за специально подготовленный стол с микрофонами. Никита и Виталь подтягиваются следом. За столом с краю уже сидит модератор пресс-конференции, безликий молодой человек в сером костюме, таких никогда не замечают.

Я крепко сжимаю руку Эрика под столом. Начинать ему, а я на подхвате, но нервничаю так, будто все пришли именно меня послушать. Грудная клетка дрожит от ударов сердца, и испарина проступает на коже. Пытаюсь выровнять дыхание, чтобы себя успокоить. Эрик мне улыбается и отпускает мою влажную от пота руку. Хватаю его пальцами, но он выскальзывает. Эрик поднимает локти на стол, и мне нужно сделать то же самое. Виталь сказал, мы должны быть максимально открыты, чтобы люди нам поверили. Я кладу руки перед собой, как школьница, и рисую на лице улыбку, хотя чувствую, как плечи забиты напряжением. И вся спина ощущается неестественно прямой.

– Всем добрый вечер! – начинает Эрик в микрофон. – Спасибо, что пришли.

Его бас разрастается в разы. Оглушает меня немного. В зале все притихают. И даже вспышки прекращаются. Только видеокамеры продолжают нас снимать. Как минимум несколько СМИ ведут онлайн-трансляции.

«Естественно! Веди себя естественно», – читаю в улыбке Виталья. Вспоминаю его совет – принять расслабленную позу. И я откидываюсь на закругленную спинку стула. Правда, приходится его подвинуть, чтобы руки оставались на столе. Кладу их треугольником, сцепив пальцы. Силой воли стараюсь не пережимать.

– Думаю, все здесь собравшиеся в курсе, какой скандал с утра прогремел со мной в главной роли, – Эрик усмехается. Выглядит, действительно, спокойным и позитивным, будто про него в самом деле сняли фильм, да еще и комплиментарный. – Вы мне, конечно, не поверите, но там не я.

Гул проносится по всему залу. Вырастает лес рук желающих задать вопросы. Снова раздаются вспышки. Мне все кажется, что только меня и фотографируют, хотя нас здесь пять человек за столом.

Модератор пресс-конференции указывает на пижона с айфоном, что светит вспышкой мне прямо в глаза, и раздается его громкий голос.

– Вы утверждаете, что это дипфейк⁵?

– Не могу знать, я в создании этого кинематографического шедевра не участвовал, – Эрик улыбается, как всегда, обаятельно.

Я даже теряюсь. На публике он так уверенно себя ведет, как долго репетировавший свою партию актер или всегда умеющий искусно притворяться хитрец. Сглатываю. Эрик теперь

⁴ Тотал блэкаут шторы (англ. total blackout – полное затемнение) – это светозащитные портьеры из многослойного материала, способные блокировать до 100% солнечного и искусственного света, создавая абсолютную темноту в помещении даже в самый яркий день.

⁵ Дипфейк (от англ. deep learning — «глубинное обучение» и fake — «подделка») — это созданный с помощью искусственного интеллекта реалистичный медиаконтент (видео, аудио или изображения), в котором лицо, мимика, жесты или голос человека заменяются на сгенерированные.

представляется мне прирожденным политиком. Вроде и не врет, но ощущение почему-то именно такое, неприятное, сальное, рыхлое. Оно меня пугает.

– Директор клуба «Бабочки» подтвердил, что запись с камер наблюдения настоящая. Ее никто не монтировал, – выкрикивает высокая журналистка в салатом.

– Пожалуйста, поднимайте руки, чтобы не устраивать балаган, – просит модератор.

Журналисты и блогеры стихают, но вопрос уже озвучен, поэтому модератор кивает Эрику – надо дать ответ.

– Не отрицаю, – невозмутимо говорит Эрик. – Мы изучили видео. На дипфейк оно не похоже. Слишком длинное для нейросети. При таком хронометраже мы бы получили все стандартные косяки нейронного мышления. Персонажи уже к середине видео потеряли бы себя, а обстановка к концу изменилась бы на фантастическую. Все выглядит очень живо и натурально. Я думаю, дирекция клуба «Бабочки» предоставила настоящую запись.

Снова шепотки и восклицания. Шустрые пальцы глухо стучат по экранам телефонов, но я слышу каждый удар. Они прибавляют темпа моему волнению и пульсу.

– Тогда как вы объясните, что вас на этом видео нет, когда вы там есть? – сухой паренек поднимает указательным пальцем очки. В тоне прячется заготовленное чувство торжества. – Вчера вы проводили встречу с избирателями в Северном районе. На вас была ровно та же одежда, что и на видеозаписи. Ранее вы заявляли в одном интервью, что шьете костюмы на заказ в местном ателье. Даже разрекламировали его. Ваш портной подтвердил, что рубашка заказана у него. На видео замечен вышитый логотип на груди.

Эрик улыбается в центральную камеру, от главного городского телеканала, и махает рукой в знак приветствия.

– Игнатий Семенович, не благодарите за дополнительную рекламу, – и тут же меняет выражение на пугливое. – Налоговая, это не нативная интеграция, если что. Я за это денег не брал, а ателье «С иголки» ничего у меня не заказывало.

Смешки пролетают над головами журналистов и блогеров. Виталь тоже усмехается. А я едва выдавливаю улыбку. Сердце все еще трясется и меня сотрясает. Совсем скоро мне дадут слово. И вся толпа ждет этого с вызовом. Глазами мне говорят: «Ну, давай, убеди нас своим бредом». Самое тупое, что я и сама знаю, какой бред буду нести.

– Попрошу вас все-таки ответить на вопрос, Эрик Альбертович, – ухмыляется паренек в очках.

– Я думаю, это лучше объяснит моя жена, – Эрик кладет ладонь на мое предплечье и мягко его сжимает.

Глава 7. Главное

Я замираю на длительную секунду. Грудь сейчас взорвется от напряжения. Виталь чуть выглядывает из-за Эрика и глазами улыбается – пытается внушить мне спокойствие. И оно улетучивается мгновенно.

– Всем привет, – говорю дрожащим голосом. Сама это отчетливо слышу и понимаю, что слышат другие. – Простите мне мое волнение. Вы знаете, я не очень публичное лицо, поэтому...

И не договариваю, потому что с трудом проглатываю ком собственной совести, которая мешает мне врать. Но это ведь ложь во спасение? Благополучие моего ребенка зависит от этой лжи. Все только ради него.

Как говорит Эрик: «Хули-пули».

– Наверное, сразу перейду к главному, – улыбаюсь. – Эрика не могло быть в клубе «Бабочки» этой ночью, потому что он был со мной.

Снова взрыв голосов и вопросов. Я специально следила за тем, кто первым поднимет руку, но потерялась, а модератор – нет, и указывает на худощую блондинку в кожаном жакете.

– Разумеется, дома вы были вдвоем, и никто не сможет это перепроверить. А в клубе «Бабочки» развлекался двойник, – хмыкает блондинка и всем своим видом буквально выпячивает пренебрежение. – Не зря говорят, муж и жена – одна сатана. Пока все выглядит так, будто вы выгораживаете своего мужа. Видимо, вместо чувств ваш брак связывают общие *интересы*.

Стерва выделяет тоном последнее слово и мерзко шурится.

Шепотки разбегаются по залу. Эрик вздыхает, а меня эта доска, обтянутая кожей, уже выбешивает. Одного ее взгляда достаточно. Высокомерная чувырла!

Виталь с опаской за мной наблюдает. Чувствует, кажется, что я на пределе. У него очень выразительные глаза, любые эмоции там отчетливо прослеживаются – издержки профессии. На публичных мероприятиях, очевидно, часто приходится выражать свои мысли одним взглядом. Но я увожу от него лицо.

– Вы ничего не можете знать о моих чувствах. Так что оставьте догадки при себе, – голос грубеет, злость его набивает. – Наш брак связывает много всего: и общие интересы, и будущий ребенок, но в первую очередь любовь. Да, Эрик не святой, и раньше позволял себе быстрые связи. Однако ради меня он изменился. Поступился своими принципами, свободой и независимостью. Потому что полюбил. У меня нет оснований в нем сомневаться. Я знаю, что муж мне верен.

С удивительной легкостью это произношу. Даже Виталь удивляется – без мимики, чисто глазами. Эрик смотрит с нежностью и целует меня в щеку. На публику? Или просто не удержался?

В зале становится тихо. Странная пауза. Шорохи, скрипы, покашливания раздаются, но голоса все замолкли разом.

– Вчера ночью Эрик, пьяный, пробрался ко мне в палату через окно, чтобы сделать сюрприз. Нас застукала медсестра, правда, уже утром. Я лежала в больнице на обследовании. Сегодня мы вместе выписались. Эрик всегда рядом, когда нужен. Вот что я знаю про своего мужа, – беру его за руку.

Может быть, этот жест покажется театральным, но он искренний. Мне, правда, хочется держать его за руку. Всегда, когда мне тревожно, я стремлюсь к нему. Эрик – единственный, кто избавляет меня от всяких неприятных беспокойств: страха, смущения, нервозности. Хотя теперь... он их больше доставляет.

– Он по мне соскучился за неделю, – продолжаю, сглотнув. – Дня не дотерпел до моей выписки и пришел. Да, в нарушение правил больницы, но он такой, искренний в своих порывах

и действиях. Эрик меня любит и еще ни разу не давал мне повода в этом сомневаться. А кто на видео – я не знаю. Увидев новость, мы сами поразились тому, как убедительно это выглядит.

Я оглядываю лица всех перед собой. На них смутно вырисовываются сомнения. Они задумались. Мне удалось их перенастроить. Сердце уже так не бьется, и голос набирает полную силу, поэтому я могу говорить свободно, и продолжаю, пока работает.

– Даже если бы муж был не со мной, я бы все равно ему поверила. Просто знаю, что Эрику эти развлечения не нужны и что он не способен на такое гнусное предательство.

Заглядываю Эрику в глаза. Ищу там подтверждение своей убежденности. Он улыбается уголками губ.

– А если бы был способен, то я бы сейчас перед вами не сидела, – снова поворачиваюсь к залу. – Для вас это всего лишь вопрос выбора мэра на каких-то пять лет, а для меня – это вопрос целой жизни. Мы оба долго шли к этому счастью, и я не позволю всяким злопыхателям вот так разрушить нашу семью.

Снова лес рук и всплеск голосов. Эрик гладит меня по спине. Виталь улыбается глазами. Никита выдыхает.

– Думаете, это как-то связано с прошлогодним скандалом с блогером Асей Птичкой? – высказывается кто-то ушлый.

Модератор на него не показывал, но быстро понимает, что это всеобщий вопрос, и дает слово Эрику.

Досадно, что Асино родство с текущим мэром никто не придает огласке. Так бы все стало очевидно для всех. Но Эрик, в отличие от Коршунова, ценит право на частную жизнь и не готов ее обсуждать прилюдно. Хотя, казалось бы, они сами напросились. Если, конечно, подстава действительно была.

Снова смотрю на Эрика, изучаю. Он сдержан и собран. Спокойно отвечает.

– Я уже извинялся перед Асей за тот злополучный пранк. Моральный вред я ей в полном объеме компенсировал. Мы все обсудили. Ася сказала, что простила меня. Думаю, вряд ли она каким-то боком здесь замешана. Ася – разумная и достойная девушка, не станет так мелко мстить и пачкаться этой грязью, – Эрик как будто специально говорит это в главную камеру, для Птички.

Разумная и достойная девушка. Хм.

Я вроде знаю, что он по-настоящему так о ней не думает и вынужден на публике сохранять вежливость, а все равно слова колются. Ревность подбирается к сердцу, впивается в него шипами. Сомнения уже расплзлись нитками и опутывают душу.

Еще Никита сбоку так странно косится то на Эрика, то на меня. Игнорирую его, как будто так могу избавиться от ревности или реальности, в которой Эрик хорошо отзывается о своей бывшей любовнице.

– Предполагаю, что в преддверии выборов есть те, кому важнее меня так подставить, – Эрик обводит всех многозначительным взглядом, чтобы дать им догадаться, о ком речь, и тут же поднимает невинно руки. – Но от голословных обвинений я воздержусь. Доверим это дело суду. Иск мы уже готовим.

Снова буря эмоций на лицах журналистов. Они поднимаются по очереди и задают все более каверзные вопросы теперь про Коршунова. Эрик на все хладнокровно отвечает. Ни капельки не краснеет, не смущается. Он всегда так ведет себя на публике. Когда мы дома, может сильно переживать, сомневаться, мяться, но только выходит на улицу, набрасывает на себя броню. Автоматически. Кажется, сам не замечает, как меняется. Мне бы так уметь переключаться.

– Ты молодец, – шепчет Никита мне на ухо.

Ничего ему не отвечаю, лишь киваю едва заметно.

Постепенно от скандала журналисты переходят к другим, более щадящим и интересным, темам – о будущем города, о текущих проектах Эрика и о всяком-разном, что он анонсировал в предвыборной кампании. Даже Виталь расслабляется. А я и вовсе могу отодвинуть микрофон.

Достаю телефон и читаю комментарии под онлайн-трансляцией в самом популярном городском блоге:

«Я верю Свете. Я следила за их отношениями с самого начала. Такую любовь не подделаешь. Эрика кто-то точно подставил, иначе бы Света его так не защищала».

«А я не следила, но тоже ей верю. Эмоции у нее настоящие, она вообще вся настоящая, она мне этим нравится».

Хм, сработало. Еще больше успокаиваюсь.

«Она искренне верит своему мужу, но это не доказывает, что он не виноват. Шиль легко может пудрить мозги всем: и ей, и нам».

«Не, я думаю его подставили».

«Да полюбак Птичка все подстроила. Ее ж так лицом в дерьмо мокнули, когда Шиль отозвал свое предложение и вместо кольца средний палец показал. Хе-хе. Я бы такое тоже не простил».

«Да куда ей, жалкой блогерке на 10к подписчиков, в политические игры ввязываться? Тем более уже год прошел, все давно забыли ваще, кто она и что она. Я думаю, тут текущий мэр замешан. Либо сам, либо свита перестаралась...».

«Вдруг вообще бизнес-конкуренты?».

«Ага, им-то начерта? Им наоборот выгодно, чтобы Шиль в мэры пошел. Тогда ему из бизнеса уйти придется».

«Да какой уйти? На женеуику все перепишет само собой ».

«То-то она его и выгораживает ».

«Конечно, я бы за такие деньги душу продал».

«Умеют же люди сосать. Пару раз на коленках постояла, и вуаля! Ты – миллионерша».

«Столько бабла еще найти надо, у кого отсосать ».

«Эта, кажись, сосать толком не научилась, раз приходится его измены терпеть и улыбаться всем на камеру, типа ничего не произошло ».

«Я знаю, умею, практикую! Эрик Альбертович, на меня бизнес перепишете. Я что угодно скажу и отсосу».

Злость, как горячий пар медленно поднимается во мне, распирая попутно все внутренние органы. И снизу его выталкивает холодный страх.

На экране вылетает уведомление.

Ася? Только от нее новостей не хватало...

Глава 8. Дежавю

«Хэй, Света! Отлично держишься, – Птичка подмигивает смайлом. – Если бы Эрик был моим мужем, он бы у меня на этой пресс-конференции в ногах ползал, моля о прощении. А ты – удобная жена, молодец».

Стерва!

Напрягаю всю силу воли, чтобы не выдать своего бешенства. На меня ведь все еще смотрят десятки фото- и видеокамер.

Эрик с журналистами обсуждают открытие спортивного комплекса для детей и подростков, который мы из-за Коршунова целый год не могли ввести в эксплуатацию. В администрации буквально к каждой закорючке придирались. Пришлось выполнить все в строжайшем соответствии с устаревшими ГОСТами, чтобы сдать проект. Раньше это было моей работой, но долгожданное открытие комплекса почему-то никак меня не трогает. Теперь у меня другие заботы: малышка, здоровье, подготовка к материнству. Я отстранена от всей текучки и должна появиться только на открытии, да и то не как ассистентка директора, а как жена кандидата в мэры. Виталь заставляет Эрика брать меня на все публичные мероприятия, чтобы избиратели видели, какой он семьянин.

Семьянин. Удобная жена. Материнство. Малышка. Публичные мероприятия.

Арх! Все крутится в голове, и сомнения набирают обороты. Бывшая чайка Эрика только добавляет им скорости и подпитывает энергией, отрицательно заряженной.

«Выглядит так, будто ты искренне веришь своему супругу. А зря. Никакой это не двойник, а сам Эрик хорошо покутил вчера в «Бабочках». Уж я-то его ни с кем не спутаю. Сначала он ко мне пытался приставать, но получив жесткий отказ, пошел утешаться с этими...»

За нее усталость выражает эмодзи, который закатывает глаза. Я закипаю.

Эрик? К ней? Приставал? Какого?!

Ах ты ж дрянь! Да Эрик тебя во все щели давно отымел и бросил! Он имя твоё запомнил только благодаря пранку, который я устроила. Так что не надейся, птеродактих! У него таких чаек, как ты, целая популяция до меня была! Будет он за вами бегать, приставать еще... Нашлась тоже, царевна.

Меня протыкает настороженный взгляд Виталия. Эрик не замечает ничего – увлечен беседой. Теперь разговор именно в таком ключе строится. Журналисты вдруг все стали лапочками-слушателями. Я вспоминаю, что Ася смотрит нашу пресс-конференцию онлайн и наверняка смакует мою реакцию. Поэтому поднимаю голову и улыбаюсь, окидывая взглядом зал.

Птичка продолжает голосить новыми сообщениями.

«Камеры в клубе, конечно, все засняли. Лицезри, кого ты защищаешь».

Видео быстро подгружается, и я снова вижу Эрика в ночном клубе, пьяного, буйного. Он тщетно пытается схватить за туфлю длинноногую девушку – Асю. Она его отталкивает. Один раз ему все же удастся поцеловать ее в косточку на лодыжке, куда он любит целовать меня.

Во мне снова все обрывается. Как утром. Дежавю, которое не проходит. Я сижу так минуту. Просто в ступоре. Гляжу вниз, чтобы не видеть публики. И Эрика. Только Виталь на меня поглядывает.

Да, мне надо проявить интерес к происходящему, хотя бы поднять голову и оглядеть людей, сделать вид, что я все слушаю. Но в ушах звенит беззвучие видео, а перед глазами стоят кадры с раскрепощенным Эриком.

«Единственная причина, по которой это видео не пошло в паблик, – я. Эрик правильно заметил, я не хочу пачкаться вашей грязью. Директор клуба – порядочный человек. Сперва спросил у меня разрешение и по моей просьбе не выдал папарацци записи со мной.

Это Эрик у нас хочет стать слугой народа и обязан выставить себя на всеобщее обозрение, а я не желаю себе такой славы.

Но ты, как жена, должна видеть картину полностью. Люди не меняются, Света. Эрик всегда был ловеласом. Никакая любовь это не лечит. Ты мне когда-то помогла это понять про него. Я искренне хочу отплатить тем же».

Никаких смайлов – мне просто мерещится ее коварная ухмылочка. Мразь!

– Всем спасибо за участие. Хорошего вечера! – очень кстати заключает модератор пресс-конференции, и Эрик поднимается, а за ним Виталь с Никитой.

Одна я торможу.

– Светыч, – Эрик теребит меня за плечо.

Перевожу на него пустой взгляд. Как жаль, что мы все еще на публике. И я уже его подержала...

Вот Ася, гадина, не могла это видео раньше прислать?! Хитрожолая стерва, решила выставить меня душой. Мда уж, отомстила.

Писец!

Я Эрика порвать готова. Вот выйдем...

Справедливости ради я, конечно, у него поинтересуюсь, как он эту встречу с Асей Птичкой мне объяснит. Когда-то он ее именно в этих «Бабочках» и подцепил. Она там постоянно тусуется в поисках «папика». Эрик, значит, напился и за ней туда побежал? Где-то по дороге потеряв однокурсника. Если тот вообще был.

Последними остатками воли сдерживаю внутренний вулкан. Терплю, пока мы не окажемся одни в машине. Эрик уже чувствует, что я напряжена, поэтому лишней раз меня не трогает. Понимает, что нужно быстро смываться, и прощается со всеми наскоро. До машины мы идем молча. Я шагаю широко, размахивая руками. Эрик нехотя плетется за мной, чувствует, гад, неладное.

– Что случилось? – спрашивает первым, заводя мотор.

Дебильная тачка даже дверью хлопнуть не дает! Доводчик ее останавливает в сантиметрах и закрывает плавно. Вот захочешь выбеситься – хрен! Умные дяди с автозавода все уже продумали, наверное, сами не раз становились жертвами бешеных жен. Арх!

Вжимаюсь попой в кресло и скреещаю все, что могу скрепить. Из последних сил удерживаю ярость внутри. Там пылает. До жжения.

– На, – швыряю телефон Эрику на колени с уже открытым видео от Аси. – Шлюха твоя бывшая утверждает, что не было никакого двойника, ты якобы сам вчера развлекался в «Бабочках». И к ней тоже приставал.

Каждое слово через глотку, как через мясорубку, проходит. Острые ножи шинкуют все звуки и вываливают их в воздух кровавым фаршем.

Эрик долго всматривается в себя пьяного на маленьком экране. Перематывает, шурится, молчит. Я сверлю его взглядом – в нем тоже острые лезвия. Я вся сейчас – сосредоточие колюще-режущих инструментов.

– Свет, ну это же она, скорее всего, и подстроила. Разумеется, она скажет, что это я, – наконец, выдыхает он. В этом выдохе скопилась вся усталость сегодняшнего дня.

– Разумеется, – передразниваю и увожу взгляд в лобовое стекло.

Машина трогается. Эрик медленно ведет ее по парковке, постоянно озираясь, лишь бы на меня не смотреть.

– А друг твой куда подевался? С тобой в «Бабочках» только полуголые телки.

Может, его там не было как раз потому, что он своей жене верен и не стал опускаться до уровня Эрика?

– Если бы я помнил, – отвечает Эрик с напряжением. – Мы контактами обменяться, очевидно, не успели. Да че там, я даже его фамилии не помню. На курсе его все Кротом звали. Может, он Кротов, но фиг знает.

– Как удобно все для тебя складывается. Неизвестно откуда взявшийся друг, единственный свидетель, так же быстро пропадает со всех радаров. Главное, не отыскать, – вскидываю руки, подражая фокусникам.

– Сам удивляюсь, – усмехается Эрик.

Хмыкаю и отворачиваюсь. И долгое время мы молчим. Я вглядываюсь в темень неба, но меня постоянно сбивают яркие огни вечернего города. Уличный шум сливается в один протяжный заунывный фоновый звук, а салон забит тягучей тишиной. Кажется, проведешь рукой, и она в этой густоте застрянет.

В моей груди такая же густота, желе из обиды и злости. Сердце в нем задыхается, но бьется вопреки с удвоенной силой. И кровь закипает. Если бы не Ася Птичка... Ох, если бы не она, теория Эрика казалась бы очень убедительной. Но на ее видео Эрик целует эту шлюшку в лодыжку! Он говорил, что обожает эту мою косточку, а выходит... он всех своих шлюх обожал.

Бабник! Подлец! Козел! Нет, хуже – козлиное копыто!

– Все? Ты больше ничего не хочешь мне сказать? – хватаюсь за последнюю соломинку и впиваю в Эрика жаждущий правды взгляд.

– Я те-бя лю-блю, – отвечает он размеренно и по-собачьи верно улыбается. – Пока это единственное, в чем ты можешь не сомневаться.

Сердце меня подводит, переворачивается, довольное, плавает в луже собственной наивности.

Хмыкаю специально презрительно, чтобы отвадить саму себя от этих глупых чувств.

– Светыч, мы же вроде договорились, а ты сразу поверила этой клювошлепке. Дай мне разобраться, – Эрик смотрит на меня с упреком.

Конечно, дорогой, разбирайся. Я тоже буду. Начну с твоего таинственного друга. Где-то же должна быть зацепка. Хотя бы старое фото.

– Ладно, – киваю от злости, как будто у меня не шея, а пружина. – Раз договорились. Но пока я сомневаюсь в твоей верности, не подходи ко мне. Отныне мы – муж и жена только на публике.

Лицо Эрика от каждого моего слова перекашивается, словно его полосуют невидимой бритвой.

Пусть не надеется на мою благосклонность. Дурой на всевидение и во всеуслышание мне прослыть не хочется. Раз я согласилась его поддержать на глазах у всего города, так и быть, останусь удобной женой. По крайней мере, пока результат выборов не станет известен.

– Светыч, это жестко.

– Зато справедливо, – вскидываю подбородок и подтягиваюсь поближе к двери, подальше от Эрика.

Ему нечего возразить. Он стучит по рулю со всей дури и топит на перекрестке, проезжая уже на красный.

– Сволочи! Всех урою! – рычит куда-то в космос, грозно озираясь по сторонам.

Хм. Слежу за ним – наслаждаюсь его бешенством. Бесись, бесись, муженек. Дома я буду максимально неудобной женой.

Глава 9. Презумпция

«Светка, не будь душой! Надо было прямо на конференции его и послать, – пишет Тома. – Ты реально веришь, что кто-то мог организовать такую подставу? Проще было ему наркотики подложить, если хотели устранить конкурента. Никто бы не стал так заморачиваться».

Я ей на предыдущее сообщение не ответила, а она уже новое строчит. Так не терпится посмаковать мою личную катастрофу?

Ася Птичка теоретически могла еще и не так заморочиться. Но, действительно, Коршунову было бы проще и гораздо эффективнее в «Бабочках» Эрику подсунуть огромную дозу запретных веществ и упечь за решетку. Убил бы всех зайцем разом. Зачем устраивать весь этот скандал?

«Света, ты молодец, держалась хорошо, уверенно. Только как бы не вышло тебе это боком», – якобы беспокоится Софа.

Только хуже делает.

Хоть Настя ничего не пишет. Пока.

Не собираюсь отвечать. Наотвечалась уже сегодня на вопросы. Тем более что Эрик сидит рядом. На меня не смотрит, но все же.

Дома нас ждет свежий ужин – Алена Михайловна всегда оставляет его на столе остужаться. Форма для выпечки еще теплая. Пахнет печеной курицей и ананасами. Слюнки текут. Она превосходно готовит, даже лучше, чем тетя Зина, причем все в рамках здорового питания. Я на ее «щах» сама собой схуднула килограмм на пять. Если разойдемся с Эриком, больше всего мне будет не хватать Алены Михайловны. Нас всего-то три часа не было, а она всю работу по дому сделала – просто Чудо-женщина!

Рядом стоит корзина с нарезанными фруктами и ягодами под пленкой. Я хватаю пирамидку арбуза и проглатываю верхушку. Сок стекает с подбородка по шее к белоснежной блузке.

Блин. Опять пятно посажу.

Но Эрик возникает рядом в момент и утирает с моей ключицы сок, не дав ему докатиться до шелковой ткани. Потом слизывает его с большого пальца.

– Светяка-вкусняка, – произносит ласково, смакуя.

Ох уж эти дурацкие двойные клочки-неприлички.

– Не трогай меня! – толкаю его в грудь. – Это не публичная территория. И здесь ты не имеешь права ко мне прикасаться.

Упираю в возмущенное лицо Эрика строгий взгляд. Он широко раскрывает ноздри и медленно выдыхает. Кулаки кладет в карманы брюк.

– Ты думал, я шучу? – поднимаю грозно бровь. – Нет, дорогой. Мы теперь живем, как соседи. Спальня – моя! А ты спи где хочешь.

Комнат много, целых две гостевых, найдет пристанище. Хотя я бы уложила его на коврике у двери – там похотливым псам самое место. Подморозит себе яйца, может, тогда и кутить охота пропадет.

– Даже так? – Эрик недовольно хмыкает. – Смотреть-то хоть можно?

– Если осторожно, – разворачиваюсь и направляюсь к двери, на ходу снимая блузку. Надо его подразнить. Пусть локти кусает.

– Че, мы теперь даже разговаривать не будем? – он поворачивается за мной.

– Только по бытовым и деловым вопросам, – отвечаю сухо и спускаю блузку на запястья.

– А это для кого шоу тогда? – Эрик молниеносно перегораживает мне проход и сразу утыкается взглядом в грудь.

Я демонстративно расстегиваю лифчик – у него как раз застежка спереди. Фиолетовые радужки озаряются алым на мгновение.

– Это не шоу. Я просто хочу переодеться. Будь добр, – и машу кистью небрежно, чтобы свалил с дороги.

Эрик горой стоит на месте. Он такой высокий и широкий, что дверь полностью собой перекрывает.

– Уйди, – приходится объяснять словами, раз жестов он не понимает.

– Нет, я постою, понаслаждаюсь видом. Трогать тебя нельзя, так хотя бы полюбуюсь, – ухмыляется коварно, упираясь плечом в косяк двери, и прохаживается наглым взглядом по всей моей фигуре: сверху вниз и снизу вверх. – Не торопись. Раздевайся до конца. Музыкальное сопровождение я обеспечу.

Достав телефон и недолго покопавшись, Эрик включает медленный трек с тягучими словами, томными, шепчущими. У него целый плейлист есть для секса. Он мне бровями показывает, что можно приступать.

– На бабочек своих не насмотрелся вчера?

– На тебя. Мне жизни не хватит, – и облизавшись, повторно проходится по моему телу взглядом, медленно на этот раз, растягивая удовольствие, останавливается посередине и кивает. – Животик уже видно.

Я гляжу вниз. Да, вырос чуток. Как и грудь. Сброшенные за год килограммы ко мне возвращаются, потому что ем как не в себя, даже токсикоз мне не мешает. Я запахи блузку и отворачиваюсь.

– Че засмущалась? – усмехается Эрик. – Музыка еще играет.

Показывает телефон. Я фыркаю.

– Пройти дай, – толкаю его в плечо.

– То есть ты меня трогать можешь?

– Конечно. Это работает только в одну сторону, – я ухмыляюсь, скрестив руки. И ножкой топаю нетерпеливо. Жду, когда он освободит проход.

– Мм, так уже лучше, – глаза у Эрика снова вспыхивают. Кулаки распускаются.

Минимум мелкой моторики – и рубашка нараспашку. А под ней каменная грудь и почти геометрический пресс: все складненько так, кубик к кубику, между которыми дорожка темных волос тянется от пупка в брюки. Эрик берется за ремень и его размыкает.

– Что ты делаешь? – я отхожу на шаг. Бежать отсюда некуда, только если в окно сигать. С пятого этажа.

– Раздеваюсь, – отвечает он невозмутимо, идя на меня медленно. Ремень падает на пол. Ширинка расходится. Я уже вижу белый хлопок боксеров. – Музыка-то играет.

– Ни-че-го не будет!

– Конечно. Если ты не захочешь, – в этой усмешке столько самоуверенности!

Смотрю в фиолетовые глаза и загораюсь их пламенем. За неделю я все-таки соскучилась. Сглатываю сухость. Вся влажность в трусики ушла. Сердце снова колотится.

– Трогай меня, сколько хочешь, я весь твой, – Эрик выходит из спущенных брюк и подходит ко мне почти вплотную, но не касаясь. Только дыханием. Горячим, как и он сам.

Опять сглатываю. В горле только суше стало, а в трусах – влажнее.

Встряхиваю себя мысленно. Он еще даже анализы не сдал, а я тут уже растеклась. Аргх!

«Не о себе, так о ребенке подумай, Светок!» – ворчу на себя голосом тети Зины.

– Не хочу я тебя... – невольно делаю паузу, когда Эрик сует руку в трусы, пока свои, – ...трогать.

Захлопываю челюсти.

– Я сам себя потрогаю. Ты просто блузочку раскрой, – и подмахивает мне, наглец.

Закрываюсь крест-накрест, но Эрика это не останавливает. Он все равно достает свой стояк в кулаке – прям сосиска в тесте. Выдавливает смешок.

Аппетитная, конечно. Эрик мастерски этой сосиской владеет. Долбит так, что в каждом нерве импульсы его толчков вибрируют. Эти фантомные ощущения и сейчас меня настигают, на одну десятую обычной силы. Щекотно и приятно.

Ох, либидо мое разбухшее. Не знаю, как у других, а мне как будто беременность куда-то там давит, что постоянно хочется. Надеюсь, во втором триместре это пройдет, а то я пока в больнице лежала, измучилась.

И сейчас Эрик меня пытается. Знает мою слабость. Вот же! Хотела его подразнить и оставить неудовлетворенным, но в свою же ловушку попала.

– И чего ты закрылась, стесняшка? Нормально ведь начали, – усмехается Эрик. – Сама, между прочим, сиськами тут трясла. Думала, я, как евнух, глазки закрывать буду? Мы неделю не виделись! Я капец соскучился.

Мы одновременно делаем по шагу: он – на меня, я – от него. Расстояние между нами не сокращается. Зато электрический заряд усиливается, тянет нас друг к другу ниточкой. Сопровождаю эту силу из последних своих.

– Ага, ты свою скуку вчера неплохо развеял. Хотя, кажется, тебе там никто не дал, вот ты и...

– Да Е-П-Т! – Эрик перебивает меня рыком и крутится на сто восемьдесят градусов. Взяв себя за волосы, снова поворачивается ко мне. – Да че тебя так триггернуло-то? Вроде договорились уже... С чего вдруг ты этой стервятнице верить начала? Она же мстит просто!

– А если нет? – у меня слезы подступают. Грудную клетку ломит спазмом, аж говорить больно. – Двойник этот очень на тебя похож, даже повадками! Он эту стервятницу, твою бывшую, целует вот сюда.

Поднимаю ногу и тыкаю в лодыжку. Эрик вздыхает и мотает головой.

– Ася ведь знает о моем фетише. Разумеется, она это использовала для убедительности.

– Ну вот, ты сам подтвердил, что ты ее туда же целовал. А мне внушал, что я особенная! – срываюсь на крик и ныряю лицом в ладони. Они быстро мокнут. Мокрая соль заливает губы. Я ее слизываю, свою горечь.

– Конечно, особенная! – он хватается за плечи. – При чем здесь поцелуй туда или не туда? Я же тебя не за эту гребаную косточку люблю! И не за ножки вовсе! Даже если они у тебя идеальные.

Эрик поднимает мое лицо, не давая увести его в сторону. Хотя бы взгляд опускаю.

– Да, я много ног перецеловал... до тебя. Ну что поделать, тупо фетиш, – он взмахивает рукой, как будто это все оправдывает. – Я сейчас не то что имен, лиц всех этих красавиц не вспомню. А Асю вообще терпеть не могу.

– Оно и видно. Как ты отзывался о ней сегодня, – усмехаюсь и передразниваю. – Разумная и достойная девушка. Ага, ага.

– А ты хотела, чтоб я птеродактихой ее назвал в прямом эфире? Мы с тобой тогда и до выборов не дожили бы.

Эрик цокает и натягивает трусы, пряча уже упавший член.

– Тогда почему не хочешь выдать ее тайну? Пусть все узнают, что мэр тоже никакой не семьянин.

– Он, скорее, суперсемьянин, – посмеивается. – Хрен знает, сколько у него еще семей внебрачных.

Мне не смешно. И Эрик сразу теряет задор.

– Все имеют право на тайну частной жизни. Будет очень некрасиво с моей стороны вываливать наружу чужое грязное белье. Мне самому не нравится, когда мое белье полоскают.

Смирный вздох.

А у меня в груди взрывается обида.

– Но его полоскают! Со мной в центрифуге! – скрещиваю руки, чувствуя, как щеки щиплет. Слезы уже не текут, просто старые еще не высохли. – Пусть и эту суперсемейку прополощут заодно! Может, там чище станет.

– Я не буду опускаться до их уровня, – цедит Эрик.

По тону определяю, что это последнее слово. За пять лет работы его ассистенткой и целый год совместной жизни я научилась распознавать все его стадии и состояния. Сейчас он перешел грань дозволенного мне. Дальше я ни на что не повлияю.

– А друга своего ты искать собираешься?

– Разумеется, Светыч. Но наберись терпения. Все же только сегодня произошло! – он распахивает длинные руки, как крылья, и кладет их на пояс.

Взгляд сам собой скользит вверх по косым мышцам его живота, скачет по ребрам, запрыгивает на широкую грудь и упирается в острый кадык. У нас разница в пятнадцать лет, а он всем моим сверстникам фору даст. Иногда даже хочется, чтобы Эрик поскорее уже постарел и перестал быть таким сексуальным. Тогда и чайки на него не слетались бы, как пчелы на мед. И у меня бы нервы успокоились. Но нет, до этого благоденствия еще ой как далеко. Мне почему-то кажется, что я и то быстрее постарею.

Поднимаю глаза на его лицо. Киваю. Эрик улыбается и снова тянет ко мне руки, хочет заключить в объятия.

– Лапуль, мне сейчас твоя поддержка как никогда нужна. Не наказывай меня раньше времени. Дай расследование провести, – целует в макушку. – Действует же у нас презумпция невиновности, е-мое!

– Действует, – отпихиваю его и делаю суровое лицо. – Веди свое расследование. Пока все останется, как я сказала. Я поддерживаю тебя исключительно публично. А здесь сожительство, как соседи. Пусть это мотивирует тебя разобраться во всем быстрее.

Обхожу его и скорее покидаю кухню, пока выход открыт.

Глава 10. Нежеланный гость

Хотя бы про друга Эрик не соврал. В баре «Кабанчики» оба успели засветиться в тот злополучный вечер. Бар похвастался тем, что сам будущий мэр с другом к ним пожаловал. Так и написали – будущий мэр. Похоже, за остальными новостями они следят плохо. Ибо все уже неделю смакуют дебош Эрика в «Бабочках», а недоброжелатели радуются его преждевременному поражению.

Правда, лица друга на фото не видно, лишь покатое плечо в футболке хаки рядом с Эриком. Журналисты ничего нового не раскопали. Ася Птичка помалкивает публично. В комментариях к ее последним постам многие задают насущные вопросы, но она их игнорирует. Моя личка во всех соцсетях трещит по швам. Я тоже решила все игнорировать, пока идет расследование. И надеюсь, сегодня у меня появится фото того загадочного однокурсника, пусть и старое. Других зацепок все равно больше нет.

Елена Романовна приходит ровно к восьми, ни минутой позже, ни минутой раньше. Наверное, пунктуальность все-таки закладывается генами. Я специально пригласила ее на ужин, чтобы Эрик ее застал. Мать – самый нежеланный гость в этом доме. Эрик до сих пор не простил ей предательство. Она ушла от мужа к любовнику, прихватив все имущество. Любовник завладел и семейным бизнесом. Депрессия довела отца Эрика до алкоголизма и в конечном итоге до самоубийства. Смерть отца Эрик уже вряд ли матери простит.

В последний раз они виделись на свадьбе. Эрик мать, естественно, не приглашал, но церемония проходила в парке, о чем все городские СМИ сделали анонсы, поэтому любой желающий мог прийти. И Елена Романовна воспользовалась шансом. Внешне Эрик был холоден и спокоен, но каждое слово произносил с таким усилием, будто у него запор. Елену Романовну от изгнания спасла только большая публика, внимательно следившая за каждым нашим передвижением. Но и разговаривать Эрик с ней долго не стал. Дежурно поздоровался, дежурно попрощался, без особой благодарности принял поздравления и переключился на других гостей, искавших его внимания. Все следующие попытки Елены Романовны с ним поговорить тоже заканчивались провалом. Но она все равно не сдается, чем сильно напоминает мне самого Эрика. На мое приглашение Елена Романовна ответила мгновенно.

Я уже предвкушаю, как испорчу Эрику сегодняшний день, а то и неделю. Хе.

– Проходите. Чувствуйте себя как дома, – держу входную дверь открытой. Елена Романовна не сразу решается войти, сперва осматривается, словно боится западни.

Она совсем не изменилась. Выглядит все так же молодо и элегантно. Ей должно быть под семьдесят, но я бы приняла ее за ровесницу тети Зины, лет на двадцать моложе.

У Елены Романовны аристократические черты лица и пропорциональная фигура, которая проглядывает даже из-под пальто с острыми плечами. В нем она похожа на злодейку, но улыбается, как фея. Под пальто свободная блузка и кожаная юбка – совсем не то, что ожидаешь увидеть на пожилой даме, однако ей идет. Лишь тяжелые украшения с бриллиантами придают Елене Романовне возрастной важности. Крашенные в пепельный волосы лежат небрежным каскадом. Больше бесцветные, чем серые, глаза всасываются в мое лицо.

– Вот вам тапочки, а здесь ванная, – распахиваю перед ней дверь. Переобувшись, Елена Романовна послушно в нее входит. Я замечаю узор в форме звездочек на капроновых носках. Кокетство – в мелочах.

Дождавшись, пока она помоеет руки, жестом приглашаю ее в гостиную.

– Вам что предложить, чай или кофе? – а сама уже одной ногой на кухне.

Блин. Она выглядит так деловито, что я невольно сучусь и использую секретарские замашки.

– Кофе, пожалуйста, – отвечает Елена Романовна, как дама, которая привыкла, что за ней ухаживают, но идет за мной на кухню и садится за круглый стол у окна. Сумку ставит на подоконник. Из большого кармана торчит твердый переплет – то, что я просила принести.

Я бреду к кофемашине, поглаживая живот. Немного тянет, наверное, малышка моя растет.

– Как ты себя чувствуешь? Все хорошо? – с беспокойством спрашивает Елена Романовна и вздыхает. – Все эти скандалы, конечно...

Мысль не доканчивает, но я понимаю, что она имеет в виду.

– Все хорошо. Это всего лишь политические козни, – улыбаюсь и хватаю кофейный рожок.

– Хорошо. Главное, что ты не сомневаешься в Эрике. А то сомнения сводят с ума, – Елена Романовна отмахивается как будто от насекомых. – Уж лучше наверняка знать, что муж тебе изменил, чем вечно сомневаться и постоянно себя отговаривать.

Хм... Прям в корень зрит. Не знаю, что конкретно мне не нравится в ее словах, но они меня царапают, мерзко так, прям скребутся по нервам.

– А вы сомневались в своем муже? Были поводы? – не успеваю отфильтровать вопрос. Кажется, она сама на него напросилась.

Елена Романовна опускает взгляд, хотя я успеваю уловить легкую радость от того, что ее об этом спросили.

– Поводы, конечно, были. Всякие, весомые и не очень, но достоверных нет. Я потому и ушла от него, что устала. Устала убеждать себя, что он меня любит. Мы, женщины, такие, нам постоянно надо доказывать свою любовь. Иначе, – она опускает уголки губ, углубляя морщины вокруг рта, и разводит руками.

Мда, Елена Романовна абсолютно права насчет сомнений. Они гораздо хуже даже плохой определенности. Они разъедают, медленно, но постепенно. Уж лучше бы мне сразу дыру в душе сделали с четкими границами и глубиной. А не вот это вот... неизбежное гниение, которому не видно ни конца, ни края.

Я за эту неделю уже столько мыслей передумала. Новую жизнь, без Эрика, несколько раз начинала и каждый раз разную. Пыталась представить, как мы вернемся к прежней, если все окажется чистой подставой и на видео вообще не он, но выходило как-то мутно. Вспоминала былое и подставляла в нынешние реалии. И каждое его давнишнее действие, каждое брошенное слово, каждый гребанный момент свидетельствует не в его пользу! Арх! Я сама себя замутила...

Надо менять тему.

– Кстати, я вам еще не говорила, будет девочка.

– Правда? – она так удивляется, словно девочка – это что-то с чем-то. – Чудесно. Я всегда мечтала о дочке.

Я на автомате перемалываю зерна, высыпаю уже молотый кофе в рожок, вставляю его куда надо и нажимаю все нужные кнопки. Каждое утро повторяю эту процедуру для Эрика. Кроме последней недели.

– Ты такая румяная стала. Беременность тебе к лицу, – Елена Романовна опускает мечтательный взгляд. – Знаешь, я ведь уже и не надеялась, что стану бабушкой.

Грустинка мелькает в ее глазах. Она понимает, что и с внучкой ей вряд ли дадут нянчиться. Мне все равно, а Эрик точно будет против.

– Хоть изредка ты позволишь мне с ней видиться? – взглядом молит.

Если Эрик мне действительно изменил, то, скорее всего, даже он не будет с дочкой видиться, что уж о его матери говорить. Уверена, мне хватит на это злости. Не уверена только в том, что это хорошо для нашей дочери.

– Посмотрим, – единственный ответ, который я сейчас могу дать.

– Спасибо тебе, Света, – Елена Романовна благодарит явно не за кофе, который я перед ней ставлю. Ложка при этом громко звенит о блюдец, разбивая неловкость между нами.

Вместо сахара я подвигаю баночку с подсластителем. Она и от него отказывается.

– Пожалуйста, – говорю просто и принимаюсь готовить себе какао. До беременности ненавидела этот недонапиток, а потом как-то попробовала от безысходности, и теперь дня без какао не могу провести.

– Эрик ведь не знает, что ты меня пригласила? – через паузу спрашивает Елена Романовна. Или не спрашивает, но я все равно отвечаю.

– Если бы знал, я бы вас не пригласила.

Стараюсь вложить в улыбку все дружелюбие, но выходит фальшиво, ибо я не ради их примирения это делаю, как Елена Романовна наверняка думает. Мне самой за Эрика обидно. Как вообще можно предать родного сына, найти замену его отцу, еще и дела всей жизни лишить. Про нажитое состояние вообще молчу. Неужели хотелка такая сильная? Отец Эрика был прекрасным человеком, любил свою семью и даже не стал оспаривать ничего, когда его так нагло обокрали. По словам Эрика, конечно, но почему-то я не сомневаюсь в его правоте. Елена Романовна выглядит роковой женщиной, до сих пор. Губы, по крайней мере, красит алым.

– Я знаю, он вышвырнет меня, как только увидит, – горько усмехается.

Здесь моя жалость улетучивается. Сама виновата. Никакой любовью и глупостью такое двойное предательство не оправдать. Она сломала Эрика на долгие годы. Он даже от чувств ко мне целых пять лет отказывался, боясь довериться и наступить на грабли отца. Я, отвергнутая, по сути, тоже из-за нее пять лет страдала, почти сдалась, уже решила двигаться дальше, но любовь нас победила. Любовь всегда побеждает, только не всегда это к лучшему. Елену Романовну эта любовь, очевидно, тоже победила и обрекла на пожизненное несчастье.

– Эрик обычно возвращается к девяти. У вас еще есть шанс уйти до его прихода, – подлавливаю ее.

Елена Романовна отчаянно качает головой, как будто хочет, но не может.

Снова висит пауза.

– Я фото принесла, как ты просила, – она тянется к сумке и достает толстый альбом на кожаной застежке.

Он выглядит аккуратным, постаревшим, но ухоженным. Его берегли долгие годы. Это заметно.

– О, спасибо, – перехватываю его скорей и кладу на стол, а в уме потираю ручки.

– Меня немного удивила твоя просьба. Это для Эрика? Он захотел посмотреть детские фотографии? – спрашивает Елена Романовна.

Серые глаза на мгновение озаряются бликом надежды.

– Кхм-кхм, не совсем, – решаю не врать, все равно она в курсе скандала. – Эрик в тот вечер, когда...

Хлопаю глазами, не зная, как это назвать. Когда он мне изменил? Когда его подставили? Когда случился скандал?

– Ну, вы поняли, я про драку в стрип-клубе, – отмахиваюсь, пытаясь показать все свое пренебрежение к этой ситуации.

– Да, я поняла, – поддакивает Елена Романовна охотно, как будто самой неловко.

– Эрик тогда однокурсника встретил. Не знаю, замешан он во всем или нет, но он там был. И может многое наверняка рассказать. Проблема в том, что у Эрика не осталось его контактов. Я подумала, что у вас сохранились его студенческие фото.

– Аа, – Елена Романовна оттягивает голову и кивает. – Да, здесь есть несколько.

Слабая улыбка растягивается на грустном лице. Я даже испытываю эту тоску, тоску по тем временам, когда Эрик ей что-то присылал. Интересно, я потом тоже так же буду с грустин-

кой смотреть на старые фото и улыбаться, когда мы с ним разведемся и разойдемся в разные стороны окончательно? Что я буду дочери говорить о ее отце?

Брр.

Из коридора доносится хлопок двери. Эрик вернулся.

Глава 11. Дурное влияние

Мы с Еленой Романовной синхронно замираем в ожидании Эрика. Прислушиваемся к шумам, которые он издает: снимает обувь, бросает портфель, вздыхает. Сперва моет руки и только потом идет в кабинет. Мимо кухни.

Елена Романовна концентрирует внимание на проеме, который открыт, и делает вдох, когда в нем показывается высокая фигура. Эрик сначала проходит дальше, а потом возвращается и заглядывает на кухню. Я встречаю его с ухмылочкой, Елена Романовна – с упованием.

– Здравствуй, сына, – хрипит она и прочищает горло, будто давно не говорила.

– Здравствуй, *мама*, – Эрик при этом косит недовольный взгляд на меня.

Я вижу, как в нем поднимается злость. Аж сосуды в глазах наливаются. Сжимая кулаки, он прячет их в карманы брюк и упирается плечом в косяк двери.

– Дорогой, мы как раз тебя к ужину ждем, – я иду к холодильнику, глядя на часы. – Ты сегодня рано.

Хотя уже пятнадцать минут девятого. Но для Эрика это, действительно, рановато.

Его снова перекашивает. Он входит в кухню и поднимает другую бровь. Удивлен, что я с ним мила, как обычно, но, сообразительный гад, переводит взгляд с меня на мать и мгновенно вживается в роль.

– Соскучился по любимой жене, – подходит, обнимает меня сзади и утыкается носом в волосы. – Очень сильно соскучился.

Вот жежес, любую ситуацию перевернет в свою пользу.

Бешусь, но держусь. Не хочу пока посвящать Елену Романовну в перипетии нашей семейной жизни.

Ну и... мне приятно. Оказывается, я сама соскучилась по его объятиям. Они всегда крепкие и очень теплые. В них безопасно. А на фоне последних событий я постоянно тревожусь о будущем. И ощущения безопасности мне остро не хватает. Как так вышло, что Эрик одновременно – мой оплот уверенного спокойствия и главный триггер безудержного беспокойства?

– Эрик, садись, – приказываю ему напряженным тоном, потому что он мне мешает доставать еду из холодильника.

– Ты садись, а я за вами поухаживаю, – довольный, Эрик выпускает меня и сам принимается выкладывать горшочки с жульеном на стол.

– Елена Романовна, вам жульен? Или, может быть, салат с крабом? Есть еще пирог с кроликом, правда, вчерашний, – я снова заглядываю в холодильник, который Алена Михайловна с утра набила до потолка. Никак не могу среди этих контейнеров отыскать свои творожные сырки.

– Спасибо, я не ужинаю. Фруктов мне будет достаточно, – она кивает на вазу в центре стола, наполненную грушами и бананами.

– Все худеешь? – усмехается Эрик, бросив в мать презрительный взгляд.

Мне становится неловко. Стыдно за него почему-то, даже если я понимаю всю сложность их отношений. Просто ему уже за сорок, ей под семьдесят, казалось бы, все уже отвоевали, но нет. Эрик нормально с матерью разговаривать не может.

– Просто привыкла, – Елена Романовна виновато пожимает плечами.

Ох уж эти отцы и дети.

Я разогреваю еду в микроволновке. Эрику взглядом приказываю сесть за стол. Он слушается, с неохотой.

– Я позвала Елену Романовну, чтобы посмотреть твои студенческие фото. Она любезно согласилась и принесла ваш семейный альбом.

Эрик тихо фыркает на слове «*семейный*».

– Это, наверное, последние фото в этом альбоме, – говорит Елена Романовна, глядя кожаный переплет с металлической застежкой.

Альбом больше похож на книгу заклинаний из какого-нибудь «Гарри Поттера», но внутри там обычные картонные страницы с прорезями, в которые вставлены фотокарточки.

На титульном листе нас встречает семейный портрет: мама, папа и малюсенький Эрик в ползунках. Родители сидят на диване, а он между ними одной ножкой стоит на мамином бедре, второй – на папином. Отец его поддерживает за подмышки.

Я вглядываюсь в малыша и умиляюсь. Он смешной. Нос уже тогда выделялся размером, даже казался еще больше, потому что все остальное было маленьким. А глаза малыш сощурил, наверное, от вспышки. Пухляш такой был.

– Эрик богатырем родился, четыре пятьдесят, – с улыбкой вспоминает Елена Романовна. – Еле ходила с ним под конец. Ему в пузе моем тесно было, за месяц до наружу выпросился.

– Тяжело рожали?

– Нет, вылетел, как пробка, смеялись врачи, еле поймали, – она сама смеется.

Мне бы так. А то я, начитавшись всякого на женских форумах, очень боюсь родов. Одна рожавшая полутора суток мучилась, вторая в процессе сознание потеряла от боли, третьей вообще в итоге кесарево сделали. И меня врачи не утешают, типа, куда ты, мать, старородящая, раньше смотрела. А я, блин, виновата, что у Эрика детская травма, которая на пять лет наши отношения заморозила!

Одна надежда, что дочурка по стопам папани пойдет и тоже выскользнет из меня шустро.

Я кладу руку на живот, передаю ей послание, мысленно обещаю ее потом в акробатику отдать, если все получится.

– Дочень, ты мамулю тоже не мучай, вылезай сразу, папка на подхвате, – Эрик кладет голову мне на плечо, а руку – поверх моей на живот.

– Ты, смотри, в обморок не упави с ней на руках, – цокаю и сую ложку с жульеном в рот, чтобы скрыть недовольство. Или приятность, которая расплзается мурашками от его бороды по моей щеке и шее.

А сама думаю, пускать его на роды или нет, если измена все-таки реальная. Еще недавно мне казалось, что без поддержки Эрика я просто не выведу, но теперь понимаю, мне надо быть сильной, придется ей стать. Мне и растить дочь, считай, в одиночку. Наверное, уже сейчас пора привыкать не рассчитывать на Эрика.

– А от чего мне в обморок падать?

– От шок-контента. Роды, знаешь ли, не самое легкое зрелище.

– Лапуль, – самоуверенный гад смотрит на меня снисходительно, типа «Че я там не видел», – я справлюсь.

Ну-ну.

Я отзеркаливаю гримасу Эрика.

Теперь только ради проверки на прочность хочется пустить его на роды.

Елена Романовна смотрит на нас, ласково щурясь. Морщины проявляются вокруг глаз и губ, сильно ее старя.

– Вы такие милые, я так рада, Эрик, что ты счастлив, – она вкладывает кулаки друг в друга, упираясь локтями в стол, и улыбается широко.

Радость вроде неподдельная, оттого мне становится неловко. Я вздыхаю, дожевывая крошки жульена, мну их челюстями, будто орехи перемалываю. Очень быстро во рту ничего не остается, кроме все той же пустой неловкости.

– Мне повезло с женой, – говорит Эрик без всякого сарказма и целует меня в щеку.

– Точно, – Елена Романовна кивает. – Ты береги Свету. Не давай ей больше поводов...

Эрик ее осекает:

– Мать. Не тебе учить меня отношениям.

– Я выучилась на своих ошибках. Они дорого мне стоили. Поэтому я и хочу, чтобы ты учился на чужих, – она поджигает дрожащие губы.

– Спасибо, все преподнесенные тобой уроки я хорошо усвоил, – цедит Эрик.

Я чувствую, как в нем назревает буря, и спешу сменить курс.

– Давайте посмотрим фото.

Оба меня игнорируют, сцепившись взглядами так, будто сейчас накинутся друг на друга.

– Твой отец тоже не был безупречным. А я уже миллион раз просила прощения. Ты до самой смерти будешь меня ненавидеть? Тем более, ты за все уже давно отомстил, – в ее серых глазах тоже дрожь, только душевная. – Сеня – банкрот, у него рак. Тебе мало? Он своими страданиями мои грехи давно искупил.

Ого, ничего себе... Этого я не знала. Смотрю на Эрика – он ничуть не удивлен, значит, давно в курсе, а мне даже не рассказывал.

– Нельзя чужими страданиями искупить свои грехи, – холодно отвечает Эрик, уводя лицо в сторону, явно не хочет смотреть на мать. – Рак он сам себе заработал. Курить надо было меньше. И обанкротился он из-за собственной никчемности.

– Ни никчемности! – Елена Романовна вскакивает, роняя на пол стул.

Грохот меня пугает, и, наверное, соседей снизу, но Эрик с матерью видят и слышат только друг друга. Оба, как статуи, замерли, лишь моргают.

– Это ты выкупил фирму конкурента и отжал у нас рынок!

– Это *вы* отца отжали компанию, – Эрик тоже встает, но спокойнее. Стул остается на месте. – Папа завоевал этот рынок, а вы пришли на готовенькое. Твой муженек сам все профукал. Я всего лишь оказался эффективнее.

– Неправда! – Елена Романовна хватается за голову и все больше походит на безумную старуху, а не на ту элегантную и мудрую женщину, которая вошла на эту кухню по-господски важно.

– Правда. Фирма держалась на плаву, только пока папа там работал! А как его не стало... – я почти вижу, как слова застревают у Эрика в кадыке. Он пытается их сглотнуть, и лишь на третий раз ему удается. Желваки выпирают на щеках. В глазах наливается ярость. – В общем, твоему муженьку тупо не хватило ума.

Елена Романовна мотает головой и упирается руками в стол. Ей тяжело стоять. Я это понимаю и подставляю стул, чтобы присела.

– Спасибо, Светочка, – тяжело дыша, она мне улыбается и держится за сердце.

Эрик смотрит на нее с презрением и как-то еще. То ли это жалость, то ли снисхождение. Вряд ли нормальное сочувствие.

– Ты сюда опять пришла просить за своего муженька? – его голос разносится градом по просторной кухне. Пространство резко стало таким огромным, а мы – маленькими. Все звуки острым эхом бьются о стены. – Чем он лучше других таких же больных? Я не буду давать ему никакого приоритета. Пусть ждет своей очереди, как все люди. Они наверняка достойны этой помощи больше. Я фонд делал для нуждающихся, а не для своих наглых недородственников.

Жестко. Хотя чего я удивляюсь? Эрик всегда был строгим и безжалостным по отношению к другим, к тем, кто не входит в круг *его* людей. Он много конкурентов потопил, не щадя, в честной борьбе, но все же. Если бизнес не окупался, закрывал его быстро и решительно, не оглядываясь на работников, которые в нем были заняты. Увольнял сотрудников тоже без особой снисходительности, причем за проступки, которые другим, старым, уже доказавшим свою лояльность, легко прощал, а новым – не давал и шанса.

Мда, странно ожидать от такого человека жалости к ненавистному отчиму, и все же... Этот отчим ведь не совсем чужой.

– Да не за этим я здесь, – Елена Романовна все еще не поднимает лица.

Ее голос гораздо тоньше, но тоже режет слух. Мне сейчас даже шепот резал бы слух. Все чувства обострены. Я глажу живот, чтобы подавить волнение.

– Я здесь ради нее, – Елена Романовна показывает на меня. – Ради внучки. Мне тоже вряд ли много осталось. А ты мой единственный сын! Я хочу нянчить своих внуков, в конце концов! Я имею на это право.

Слезы блестят. Она их утирает.

– Это мои дети. Я сам решу, кому их нянчить, – Эрик кладет руку мне на плечо.

Напряжение не спадает.

– Вообще-то, это и мои дети, – вставляю невидимый щит между ними.

Елена Романовна переводит на меня молящие глаза.

– Без моего ведома они с ней общаться не будут. Пусть муженька своего нянчит! – отрезает Эрик, небрежно вскидывая рукой в сторону матери. – И хватит мне перечить. Ты и так ее втихаря притащила в наш дом. Больше я такого не потерплю.

Он резко поворачивается к Елене Романовне и произносит четко, с нажимом:

– Оставляй альбом и убирайся отсюда.

– Эрик! – и я подсказываю. – Она – моя гостя. И твоя мать! И вообще, хочу и буду тебе перечить. Я тебе давно не ассистентка. Хватит мной командовать!

Фиолетовый взгляд полон решимости и злости. Но я не собираюсь уступать. И так постоянно ему уступаю.

– Ты моя жена. И носишь моего ребенка. И я решаю, от кого вас защищать.

– То, что она сделала с твоим отцом, со мной она сделать не сможет. И с тобой тоже. От чего защищать-то? – взрываю руками невидимое облако гнева и абсурда вперемешку.

– От дурного влияния, – Эрик быстро переводит взгляд с меня на мать и обратно. Елена Романовна сникает. – Научит тебя еще, как мужа обманывать.

Это уже слишком. После стольких лет он смеет сомневаться в моей лояльности? Вот мерзавец! Да вернее меня ни одной собачонки в мире не сыщется!

– Вот так, значит? – надуваюсь почти буквально. Обида подпирает грудную клетку. – Думаешь, я тебя до этого не обманывала только потому, что не знала как? Ты мне до сих пор не доверяешь, оказывается. Ну и правильно делаешь!

Топаю ногой и выхожу из кухни. Достали.

Глава 12. Скорее всего

Прильнув к двери спальни, я слышу, как Эрик выпроваживает мать, точнее, как она шуршит в прихожей.

– Больше не приходи. Похоронить я тебя похороню, но ничего кроме с тобой иметь не хочу, – ледяным тоном произносит он.

Какая жесть. Самые жуткие слова, которые можно сказать родной маме. Сильная же у него обида. Поэтому он и мне до конца не верит. Неужели постоянно ищет подвоха? Как он, вообще, собирался со мной всю жизнь прожить? Это задевает меня гораздо сильнее, чем дурацкая измена с Асей Птичкой и стриптизершами. Сколько еще мне доказывать ему свою лояльность?

– Зачем ты ее позвала? Могла ведь просто альбом забрать. Мне насолить хотела? – голос Эрика становится громким, приближается.

Я не отвечаю, замерла и стою, даже дышу через раз и медленно, чтобы негромко.

– Молодец, Светец, ты похерила мой день. Он и так говнище был.

Миссия завершена. Ха.

– Ты теперь специально пакостить будешь? Это война? За измену, которой, скорее всего, не было? Ну что за детский сад, Светыч?

Скорее всего.

Вот именно, блин. Ты сам не знаешь, изменил ты мне или нет. Значит, мог. Значит, допускаешь для себя такой вариант. Значит, бывали такие мысли.

Продолжаю держать молчание. Эрик тоже делает паузу, как будто специально дает мне высказаться, а мне нечего сказать.

– Я и так на нервах весь, – говорит он с раздражением. – Всю неделю кое-как сплю. Рейтинги валятся. Виталь кудахчет без умолку. Проверки опять пошли. Крутихин там без нас с тобой ни черта вырулить не может. И спорткомплекс ведь завтра открываем. Короче, со всех сторон обложили. За семерых работать приходится.

Ну вот и работай. Так у тебя не будет времени и сил по стрип-клубам шататься. И вообще, работа – единственное, чему ты не изменяешь.

Хочу высказать это вслух, но молчу. Совесть, наверное, не позволяет. Или все-таки обида.

Эрик бьет кулаком в стену и рычит – бесится, а потом замолкает надолго. Настолько, что я опускаюсь до замочной скважины посмотреть. И натыкаюсь на фиолетовый глаз. В нем вспыхивает торжество.

– Засек!

Гаденыш, подловил!

Я отпрыгиваю, беззвучно матерясь.

– Лаап, – тянет Эрик, тихо стучась. – Лапуль, ну, прости меня. Я не хотел тебя обидеть. Просто на мать взбесился и тебя задел ненароком. Ты же знаешь, я никому так, как тебе, не доверяю.

– Ты просто никому не доверяешь, – само произносится.

Блин! Затыкаю себе рот и жмюрюсь от досады.

– Тебе доверяю, – нажимает.

– Ну и дурак. Теперь у меня есть хороший мотив тебя подставить. Думаешь, я только по мелочи пакостить умею?

Эрик вздыхает.

– Да, я так думаю. Именно поэтому ты моя жена. Я тебя знаю, ты не подлая.

– Твой отец наверняка тоже думал, что знает твою мать.

– Светыч!.. – он сотрясает дверь кулаком.
Я скрещиваю руки. Эрик замолкает.

Во мне кипит злорадство. Оно жгучее, но мне нравится, что ему больно. Потому что до этого он мне столько ран нанес, сам того не сознавая. Я пять лет считала, что влюблена в него безответно, терпела его любовниц, переписывалась с ними вместо него, выбирала им подарки, потом слушала, как он удовлетворяет в кабинете этих чаек, мечтая оказаться на их месте однажды, а когда, наконец, дождалась, то получила очередную пощечину по своей наивной роже.

Злорадство быстро сменяет резь. Соленая, горькая, кислая. Паршивая до тошноты.

Ничего я до сих пор не заслужила и не заслужу, видимо. Эрик никогда мне до конца не доверял. Стоило это понять, еще когда мы брачный договор подписывали. Тогда мне казалось это нормальным, ведь все богачи желают защитить свое состояние, а учитывая мнительность Эрика, я только рада была развеять его тревогу. А теперь понимаю, что защищаются от врагов. От тех, в ком не сомневаются, никакая страховка не нужна. То есть Эрик с самого начала видел во мне опасность. Даже когда влюбился, даже когда признался в своих чувствах, даже когда мы зачали ребенка. Или, скорее, потому что никогда и не влюблялся по-настоящему.

Значит, и потерять меня Эрик боится только потому, что я – ключ к его репутации порядочного семьянина. А после выборов что будет? В какую ловушку я себя загнала?

Вся жизнь куда-то катится, разрушаясь по пути. Осколками отваливаются важные ее части. И такое ощущение настигает, что я никогда ее потом не соберу обратно. Потеряются крупницы, но связь уже будет не та. Ткань моего мироздания останется в дырах, как и сердце. Сплошь решето.

– Свет, – уставший голос за дверью возвращает меня обратно в спальню.

Здесь темно. Очертания мебели заполняют пространство: огромная кровать посередине, туалетный столик у окна, диванная зона в правом углу. Из-под двери в гардеробную пробивается желтый свет. Смотрю на все как будто не своими глазами, как будто и не моя это спальня вовсе. Все какое-то чужое. Хотя... наверное, так и есть. Это все Эрика, а я здесь – гостья, пока хозяин добр.

– Вот держи, это фото того однокурсника, Крота, – под дверью пролезает фотография, выцветшая, полароидная. Я поднимаю ее и включаю свет.

На фото Эрика за плечи обнимает веселый паренек в синей мантии со шляпой-академкой и дипломом. Лицо самое обыкновенное, словно я таких тысячи встречала на улице. Из выдающегося только татуировка на шее, которую, разумеется, на фото не разобрать.

Сзади на фотографии нет никаких надписей. Подсказок не прибавилось.

– Я дал задание Горяеву пробить его по нашей базе, – говорит Эрик. – Авось-тогось, найдется.

Хм. Я тоже решаю пробить это фото. Собственной базы у меня нет, зато есть поиск по картинкам. Нужен только сканер и интернет.

Без промедлений я открываю дверь и, игнорируя Эрика, иду в конец коридора.

– Свет? – долетает в спину.

Я врываюсь в кабинет, отчего-то нервничая. Предвкушая скорую развязку, хотя понимаю, что результат может быть неудачным. Этот Крот, как и Эрик, мог давно забыть свои старые фотографии, не выкладывать их в сеть или вообще не иметь профиля в социальных сетях, но надежда умирает последней.

Сев в огромное кресло из красной кожи, я включаю компьютер и вместе с ним принтер 3-в-1. Фотографию сразу кладу на сканер и захопываю крышку громко. Она сама слетает с дрожащих пальцев. Пока все загружается, кручусь в кресле и разглядываю стеллажи с книгами, лишь бы не смотреть на угрюмого Эрика, перекрывшего выход.

– Что ты делаешь? – фиолетовые глаза следят за мной внимательно.

Все ждет, когда я чего-нибудь вытворю?

– Не бойся, пакостить пока не собираюсь.

– А что тогда?

– Сейчас увидишь.

Я сканирую фото и загружаю его в поиск по картинкам. Он выдает мне миллион результатов и на первом месте точно такое же фото.

Аллилуйя! Как удачно, что этот Крот – активный сидок в социальных сетях.

Фото выложено на иностранном сайте и ведет на профиль некоего Semeryakov Denis.

– Вуаля! – улыбаюсь победоносно, глядя на Эрика. – Пока твой Горяев растелится.

Он хмурится и шагает ко мне, держа руки в карманах брюк. А потом цокает, глядя на аватар Семерякова.

– Ого, Крот, в натуре, – и перехватывает мышку. – Светок-молоток, ниче ты прошаренная.

Смеется Эрик и чмокает меня в макушку.

– Эй, не забывайся! – отталкиваю его и откатываюсь подальше. – Напиши ему лучше.

По ссылке мы автоматом зашли в уже зарегистрированный профиль Эрика. Это его официальная страница для иностранных партнеров и прессы.

– Ага, щас, – Эрик растирает руки, будто готовится к долгому и упорному печатанию. И уже через минуту показывает мне черновик сообщения. – Вот так?

«Здарова, Крот. Это Немец, узнал? В курсе, наверное, какой скандал со мной прогремел? Я ищу тех, кто меня подставил. Я после паба ваще ни хрена не помню. А ты помнишь? Позвони как сможешь. Мне нужна правда. Очень надо. Жду».

– Хорошо, – киваю, и Эрик отправляет сообщение.

Мое сердце выдает барабанную дробь, словно вот-вот, сейчас, свершится что-то судьбоносное. Прилетит сообщение – хорошая весточка, которая докажет, что мой муж мне не изменял, что он не мудак и я могу ему доверять дальше.

Но ничего не происходит. Сообщение даже цвет не меняет – не прочитано.

– Он, походу, в горах сейчас. В сети неделю не был. Видимо, на Алтай сотовые вышки не завезли, – поясняет Эрик.

Я смотрю на экран. Действительно. Все предвкушение скорого чуда разваливается, и снова накрывает тревожной тоской.

Эрик возвращается на страницу Семерякова, и мы молча изучаем его несложный профиль. Он, в самом деле, живет за рубежом и владеет фирмой по строительству коттеджей. На фотографиях всегда один, то там, то сям, в туристической экипировке. Очевидно, любитель походов. Есть отдельный альбом с названием «Былое», а там детские, школьные и вот студенческие отсканированные фото. Эрик на фото не отмечен, просто подписан, как «брат».

На следующем фото с ними девушка. Красивая. Светится. Оба ее обнимают, но к Эрику она стоит плотнее, они буквально бока друг другу трут, а вот Семеряков – чуть поодаль. Вне всяких сомнений, это бывшая девушка Эрика. Может, даже его первая любовь, о которой он мне, естественно, не рассказывал.

Что ж, спрошу.

– А она кто? Ее помнишь?

Эрик приглядывается и улыбается.

– Это Люба Краснова, тоже однокурсница наша.

Хм. Люба. Краснова. То есть имени друга своего он не помнит, а эту прошмандовку запомнил хорошо. С первого раза вспомнил. И имя, и фамилию. И отчество, небось, тоже помнит. Как подозрительно.

– У тебя с ней ничего не было?

– Светыч, ну ты че? Ревнуешь, что ли? – он пытается ко мне наклониться, но я вовремя отъезжаю. Эрик вздыхает и выпрямляется.

– Так было?

– Ну было, да ничего серьезного. Выпустились и разбежались. Больше я ее не видел. Знаю только, что она за Крота как раз замуж вышла.

Он кивает на экран, посмеиваясь.

Хм.

– Следил за ней?

– Светыч, – Эрик косится на меня со всем скепсисом, на который способен. – Ты меня как будто совсем не знаешь.

А может, так и есть, совсем не знаю...

– Как ты тогда узнал, за кого она там вышла, если вы не общаетесь?

– Мы как-то переписывались первые годы после универа. Она хвасталась их свадьбой.

Какие интересные формулировки он использует. «Хвасталась». Может, это не она хвасталась, а Эрику было завидно, хотелось быть на месте жениха?

Впрочем, по голосу не похоже, что его как-то задевает ее замужество, да еще за другом, пусть и давнишним. Может, я себя уже накручиваю? Дело ведь двадцатилетней давности. Подумаешь.

Зато меня начинают терзать сомнения, что этот Крот сможет нам поведать что-нибудь важное. Вряд ли сам в курсе и замешан во всем этом деле. Люди Коршунова точно не могли на него выйти. Как они о нем узнали бы, если даже Эрик его толком не помнит? Тем более он живет за границей уже много лет.

Да и чем они могли его подкупить? Здешняя политика ему явно неинтересна. На нището-брода этот Крот не похож. Путешествует по миру регулярно, и виды из номеров такие, что на экономе никак не тянут. Явно при бабле.

Мда, походу, надеждам моим уже пора помирать. Но я все равно жду ответа. Может, этот Крот хотя бы знает, почему Эрик ничего не помнит. Вдруг что-нибудь видел.

Или Эрик, на самом деле, все помнит? Просто сам накосячил, поддавшись больным воспоминаниям о первой любви, напился и ушел в загул, а наутро решил убедить всех в том, что его подставили? Могло же такое быть? Он меня уверял, что и лиц не помнит всех красавиц, которых перецеловал за жизнь, а Любу Краснову вот помнит.

Червь ревности роет сердце. Скоро в нем будет сквозной туннель, и всю мою любовь из него сдует к чертям, ведь чем больше я узнаю об Эрике, тем больше сомнений возникает.

– А на сколько он уехал, не говорил? – спрашиваю, чтобы дать себе хоть какой-то определенности, а то душа не выдержит.

– На две недели вроде.

Эрик тоже недоволен, все смотрит на профиль Семерякова, будто закликает его ответить скорее или наоборот.

– Хорошо. Ждем, – выдыхаю я и поднимаюсь.

Эрик перегораживает мне проход. Руки держит в карманах, но я все равно выставляю ладони, рефлекторно. Он замораживает меня взглядом на месте. Фиолетовый становится горьким.

– Ты даже не попытаешься меня простить? Если вдруг... – поджимает губы.

К чему эта подготовка? Друг еще не ответил, а Эрик уже сдался?

Я сверлю его молчанием, потому что сама не знаю. Это слишком больно. Я и так пять лет унижалась, бегала за ним, как собачонка, вечно отвергнутая и все равно ищущая внимания своего хозяина. Толком и сказкой насладиться не успела, как все опять обернулось кошмаром.

Если подставы не было, то Эрик меня тупо использовал, как благопристойный фасад для своей кривой натуры и свободной жизни. Я – картонная ширма, защищаю его от нападков

публики и закрываю ту грязь, что он творит в привате со всякими чайками. Эрик так ненавидит мать за то, что она использовала его отца, а сам меня точно так же... Дурное влияние матери он, видимо, с молоком впитал. Стал циником, бессердечным и алчным. На все готов ради своих целей.

– Мы ведь любим друг друга. И у нас будет дочь, – не настойчиво, мягко, с вложенным заранее сожалением говорит Эрик.

– Любим? – цепляюсь и усмехаюсь. – Если ты, чуть напившись, готов кинуться на любую подставную задницу, то какая это любовь?

Эрик не уводит взгляд, но ответить ему нечего. Я ищу в его глазах этот ответ, а там лишь посеревшее сожаление.

Мы ведь и года не женаты, а он уже поддался своим низменным желаниям и променял меня на одноразовых шлюх. Всего-то напился. Я еще понимаю, мы бы лет двадцать в браке прожили, оба устали друг от друга, ему бы захотелось разнообразия и молодого тела, как это бывает у мужчин, но блин! У нас с ним и так разница в пятнадцать лет, и он все равно нашел себе более привлекательных чаек среди моих сверстниц.

Хотя... при чем здесь годы брака? Независимо от срока измена остается изменой. Она значит отвержение, да еще грязное, за спиной, даже если потом становится известной. Это гнусно. На любой стадии отношений.

– Ты, возможно, и не способен ни на какую любовь, – заключаю с обидой. – Может, в этом и нет твоей вины. Мать сломала тебя еще в детстве. Но это не дает тебе права делать больно другим. Не умеешь любить, не люби.

– Но я люблю, – произносит с нажимом Эрик, кривя лицо. – Как умею. Прости, мне не на ком было учиться до тебя, потому что ты первая и последняя моя любовь. Других я не знаю. Да, моя любовь неидеальна, как и я сам, и что теперь? Я все равно это чувствую, как бы ни хотел ничего не чувствовать. Я ведь пять лет пытался тебя не любить. Не получается.

– Любить у тебя тоже как-то хреново получается, – выжимаю из глотки со спазмом и семеню к выходу, подгоняемая беспокойным сердцем.

Глава 13. Фантомная боль

В ванной я запираюсь надолго. По привычке больше всего внимания уделяю ножкам, ведь Эрик их любит. Натираю, намываю, массирую. Злюсь на себя за угодливость. Разбиваю пенку и погружаюсь в мыльную воду с головой.

Какого хрена я до сих пор для него стараюсь?! Он все равно сейчас не может ко мне прикасаться. Я же сама ему запретила. Ох...

Десять секунд без дыхания – и гнев отступает. Выныриваю и делаю глубокий вдох. Пенка пахнет персиками, как в детстве. Обожаю.

Горячая ванна меня расслабляет. Впервые за долгое время успокаиваюсь. Играюсь с пузырьками. Пью безалкогольное вино. Слушаю релакс-музыку без слов. Кайф.

Пара часов пролетает незаметно. Только когда вода остывает полностью, я вылезаю и накидываю на голое тело любимый халат. Он шелковый и легкий, приятно ложится на кожу. Особенно мне нравится, что ничего меня в нем не сковывает.

Эрика не слышно и не видно. Дверь в кабинет закрыта, но полоска света просачивается в коридор. Очевидно, работает. Пользуясь шансом, я заглядываю на кухню – альбом так и лежит на столе. Хватаю его, озираясь, как воришка, будто реликвию из музея краду, и смеюсь в голос. К моей удаче, никто не реагирует. Эрик, видимо, очень погружен в работу. Впрочем, как и всегда.

Меня это задевает. То, что у него есть страсть по жизни – работа, будь то бизнес или политика, а остальное – преходящее. Это для меня он главное, а я для него что? Как минимум пять лет до моего увольнения он мог спокойно держать свои чувства при себе. Да, пошлил иногда, но ни намек на что-то серьезное себе не позволил. Спыхватился, только когда реально чуть меня не потерял. Но когда я есть, рядом и за него, ему как будто бы нормально. Даже сейчас, когда от нас, как от семьи, осталась одна фикция публики ради. Я тут ножки натираю в ванной, даже если бешусь на него, а Эрик работает себе в кабинете как ни в чем не бывало.

Первая и последняя любовь. Хм.

Красиво стелет. Эрик всегда умел уговаривать и убеждать людей, будь то сотрудники, бизнес-партнеры или избиратели. Ораторство у него развито хорошо: говорит ровно то, что все хотят услышать. И я ж, как чебурашка, уши развесила и тоже этому поддаюсь, волей или неволей.

Сердце ноет, словно его зашивают острой леской. Я даже сжимаюсь от фантомной боли. Она пока не физическая, но душевный спазм захватывает меня на целую минуту. Прижимаю альбом к груди, дышу через раз, умиряю обиду.

В спальне меня ждет тишина, темнота и холодная постель. Включаю ночник, залезаю под одеяло и принимаюсь листать фотоальбом.

Маленький Эрик, деловой пухляш с челкой, меня умиляет. С детства его наряжали в костюмы, рубашки и галстуки. Практически на всех фотографиях он именно такой, в форме. И я начинаю понимать его нелюбовь к чересчур деловым костюмам. Обычно Эрик ходит в джинсах и рубашке. И лишь став политиком, перешел на костюмные брюки. Однако до пиджака и галстука все равно не дорос. Кажется, уже никогда не дорастет. Тяга к свободе сильнее.

Я улыбаюсь.

На всех ранних фотках Эрик обычно в объятиях матери, отца почти не видно. Он начинает мелькать где-то со школьных лет. И постепенно забивает всю ленту. То они хвастаются добычей – здоровенным сомом, которого десятилетний Эрик едва держит на руках, то катаются на квадроциклах по хвойному лесу, то смотрят на город через стеклянный пол небоскреба. Эрик корчит рожицы, отец ему подыгрывает. Они как две капли воды, точнее, Эрик – малень-

кая копия своего отца. Даже глаза у обоих фиолетовые, только у Эрика они чуть насыщеннее, как будто мутация закрепилась и усилилась.

Может, у нашей дочери они получатся совсем-совсем сиреневыми? Она будет красавицей!

Как мы будем воспитывать ее порознь? Неделя через неделю? Месяц через месяц? Или папа по воскресеньям? Как у таких детей потом с психикой? Биполярка не развивается? Ох...

Меня воспитывала только тетя Зина. Я как-то выросла без отца. И даже без матери настоящей. Не помню их вовсе. Не сильно страдала, потому что не знала, что должно быть иначе, пока не подросла. А если бы у меня папу каждую неделю отнимали или, точнее, давали его всего на пару выходных, я бы, мне кажется, каждую неделю испытывала жуткую печаль. А так нет его и нет. И не думаешь о нем. Но лишать Эрика права общаться с дочерью... Хотя чего я переживаю? Если правда вскроется, то ни я, ни на наша дочь этому цинику, скорее всего, нужны не будем. И дилемма пропадет сама собой. Чего я терзаю себя сейчас?

Листаю дальше.

Чем Эрик становился взрослее, тем реже обновлялся фотоальбом. Только стандартные: фото с кубком на каком-то спортивном мероприятии, Последний звонок, выпускной. На этих фото рядом с Еленой Романовной уже другой мужчина. И даже на фото видно, как Эрик старается от него оградиться, стоит в сторонке, не смотрит на него и на лице странное напряжение. Зато Елена Романовна озарена радостью. Я нахожу среди прочих парочку фотографий, где только она и ее новый муж. Оба выглядят счастливыми.

Наконец, добираюсь до студенческих фото, которых всего несколько: Эрик с однокурсниками, в академических шляпах и мантиях в разных локациях и позах то у таблички с названием университета на крыльце, то в пышно убранном зале, то за фуршетом.

Есть отдельная фотография с Любой Красновой в обнимку. Оба светятся. Мой мозг дорисовывает им нимбы в форме сердец, которые сплетены друг с другом, как обручальные кольца.

Первая и последняя любовь. Ага.

Неужели такой видный мужчина, как Эрик, впервые влюбился по-настоящему только в зрелом возрасте, под сорокет? Я ж не белая нимфа, сражающая всех своей красотой наповал. Нет во мне ничего особенного. А в Эрике как раз есть... С трудом верится, что ни в подростковом возрасте, ни в студенчестве у него гормоны не играли. Все же люди одни и те же стадии развития проходят. По-любому первая любовь у него уже тогда была, и, возможно, она Люба Краснова и есть.

Зачем врать? Я же понимаю, что брала его зрелым мужиком, а не пятнадцатилетним шкетом, предполагала, что у него были женщины до меня, не только шлюхи, но и нормальные... Как минимум многоразовые. Если бы честно все рассказал, что вот любил Любу, а она взяла и замуж вышла за Крота, разбила сердце, оставила рану, все дела, я ж поняла бы, разумеется. Нет ведь, обязательно лить в уши надо, что *ты моя первая и последняя любовь и бла-бла-бла*.

Вот как ему верить, когда даже дважды два не сходится?

Еще раз просматриваю студенческие снимки.

Крот среди прочих мелькает пару раз. Не очень понятно, лучшим он другом был или так, знакомец. На фото они все друг с другом обнимаются, как закадычные друзья. Счастливы, видимо, были, что отучились.

А потом все – четверть альбома осталась незаполненной. И во мне тоже остается какая-то пустота.

Эрик мне никакие свои старые фотографии раньше не показывал. Он вообще не любит сниматься, хотя по интернету много его разных снимков гуляет. И наш семейный фотоальбом мы создать пока не успели. Но я уже думала об этом. Планировала сделать фотосессию с малышкой. Распечатать свадебные фото и добавить их в альбом, а потом его пополнять совместными путешествиями, семейными торжествами и обычными прогулками. Я уже так при-

выкла мечтать об этом, о счастливой и крепкой семье, что ничего не имея, все равно болезненно с этим расстаюсь.

Если никакой подставы не было, то эти мечты навсегда останутся мечтами, а моя дочь будет расти в непонятно каких условиях. И это больше всего.

Я с хлопком закрываю фотоальбом, откидываю его на тумбу и закутываюсь в одеяло с головой. Отмокнув в ванной хорошенько, быстро погружаюсь в сон. Сумбурные мысли и воспоминания носятся в сознании, едва осязаемые, просто кадры в быстрой перемотке. Все давние и недавние переживания, лица, вспышки камер. Я, сидящая на электрическом стуле, в центре огромного конференц-зала с золотыми шторами. А вокруг толпа, как в Колизее, которая показывает большие пальцы вниз, то есть решает меня казнить.

Передо мной на арене Эрик. Под музыку, которую я не слышу, но чувствую, он снимает с себя рубашку медленно, пуговица за пуговицей, интригуя каждым движением, но особенно глазами. В них раскрывается глубина, манящая меня сиренами. Их музыка вливается в вены и плавает в крови, как афродизиак, будоража и душу, и сердце, и плоть.

Из-под рубашки выступает упругая волосатая грудь. Эрик ей играет, как стриптизеры, поднимая по очереди. Потом показывает пресс, тоже постепенно, кубик за кубиком. Я проваливаюсь жадными глазами в каждую выемку между ними и скатываюсь по косым в самый пах.

Чувствую маленький ток на кончиках пальцев. Щекотливый и нежный, как прикосновения бабочек. Они порхают в моем животе, вибрируя и меня заставляя. Щекотка поднимается выше, с пальцев на пятки, затем по напряженным икрам и бедрам, касается клитора и выплескивается в трусики. Что-то влажное и упругое поглощает меня. Ласково так, мягко, но настойчиво. И я отдаюсь. А ему мало, оно напирает, жаждет больше и сильнее меня разогревает. Теперь мне щекотно везде: и в ногах, и в низу живота, и в груди. Желание волнами наливается и вытекает.

Ах!

Вскочив на кровати, я осматриваюсь и останавливаюсь на блестящих фиолетовых глазах.

– Эрик, блин!

Глава 14. Без чувств

Он, как лев Алекс из мультика «Мадагаскар», который, оголодав, спутал задницу своего друга зебры с беконом и куснул ее. Пол моей ступни в его пасти, и Эрик даже не собирается ее отпускать, а я почему-то ее не выдергиваю. Он замирает, как был, хлопает глазками и лыбится, насколько позволяют мои пальчики.

– Что ты делаешь?! Как ты сюда?! – оглядываю в бешенстве спальню, ища дыру в стене, но ее нет. И окно плотно закрыто. Дверь я точно запираю изнутри. Не через кондиционер же его задуло!

Эрик только теперь отлипает от моей ступни, облизываясь, как кот после сметаны. Смакует долго, вынуждая мое сердце колотиться в такой истерике, что я вся дрожу от злости.

– Как ты сюда попал, спрашиваю! – подтягиваю ноги под себя и скрещиваю руки.

– Вошел, пока ты в ванной была. Ждал под кроватью, – он поднимает на меня виноватый взгляд и утирает усы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.